

ВЛАДИМИР
ФИЛИПОВ

НЕЩЕТА II

ПО СЛЕДУ

ДЬЯВОЛА

Владимир Филиппов

Нечисть 2 : по следу дьявола

«Автор»

2026

Филиппов В.

Нечисть 2 : по следу дьявола / В. Филиппов — «Автор», 2026

В мрачном уральском городе происходят необъяснимые и пугающие события. Молодая девушка, преследуемая неведомым ужасом, погибает при загадочных обстоятельствах, что становится началом череды таинственных происшествий. Параллельно медсестра сталкивается с необъяснимыми явлениями после жестокого убийства в городском сквере. В город возвращаются опытные исследователи паранормальных явлений — Вершинин и Шольц, чьи знания необходимы для разгадки новой серии преступлений. Реальность переплетается с кошмаром, а обычные люди оказываются втянутыми в противостояние с силами, превосходящими человеческое понимание. Роман сочетает элементы мистического триллера и психологической драмы, создавая атмосферу нарастающего ужаса и неизвестности.

© Филиппов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Филиппов

Нечисть 2 : по следу дьявола

Глава 1

Мартовская ночь на Урале, впрочем, как и любая непогода – это суровое испытание. Ветер пробирает до костей, воздух сырой, колючий, а нерастаявший до конца снег превратился в ледяную корку. А ведь через неделю уже апрель. В звездном, холодном и чистом небе повис кривобокий полумесяц. Где-то на окраине города сияют рыжие зарницы от заводов, и тускло сияют фонари промышленных предприятий.

По узким улочкам, петляя через сектора финских домов и русских изб, огибая дворы сталинских двух- и трехэтажных домов, бежала молодая девушка. То ли задыхаясь, то ли хрипя от ярости, она жадно глотала дозы холодного воздуха. Босые ноги были сбиты в кровь от осколков льда и каменных тротуаров. Из одежды на ней была только сорочка. Лицо её было перекошено ужасом, волосы растрепаны, а местами и вовсе вырваны клочья. Несколько раз она даже упала, но раздирая пальцы на руках до крови, отталкивалась, буквально буксуя, поднималась и продолжала бежать, изредка оглядываясь. Пробежав через переулок, девушка была замечена двумя постовыми милиционерами. Не ожидая увидеть такое зрелище ночью, они на мгновение оторопели, но, переглянувшись, спохватились и один из них крикнул ей в след:

- Стойте, милиция!

После чего, этот же милиционер просвистел в свисток и бросился за девушкой вдогонку. Его напарник, чуть замешкался, но подключился к погоне.

- Стойте, милиция! Приказываю остановиться! – периодически кричал милиционер, что первый бросился догонять её, а иногда успевал оповещать свистком всю округу о беде. Девушка почти теряла сознание от усталости, но продолжала бежать, как дикая. Постовые преследовали её в шинелях и сапогах, а такая длительная погоня начинала выбивать их из темпа. Постовой, что бросился вдогонку вторым, запыхавшись, остановился отдышаться, крикнул напарнику:

- Да брось её, Андрюх! – махнув рукой, прокричал он, едва шевеля губами от усталости. Но постовой Андрей, в погонах старшего сержанта, вынул из кобуры пистолет, сбросил на ходу шинель и продолжил погоню. Запутавшись среди заборов строящихся домов и старинных дворов, девушка забежала напрямик на стройплощадку. Она, растерявшись, начала метаться из угла в угол, по территории, искала проход.

- Стой, дура! Остановись, милиция! – закричал милиционер, задыхаясь от погони, увидев, как она отчаянно мечется по стройке.

Из охранный будки, возле забора, где стояла техника, на шум вышел сторож, лет шестидесяти.

- Это хто этъ, там, горланет!? Эй! – гаркнул старик, громогласным голосом, прищуриваясь в темноте.

- Милиция!- хрипя от бега, прокричал старший сержант. – Окружай вон ту, одичавшую!

- Агась! – серьезно и ответственно среагировал старик и поспешил на площадку, накинув фуфайку.

Окружая девушку, мужчины загнали её на рельсы башенного крана. Об них то и споткнулась беглец, упав в грязь и лужу со льдом. Старший сержант, рывком перепрыгнув рельсы, набросился на неё, повалив на землю.

- Да остановись же ты! Всё, остановитесь! - упрашивал постовой.

- Нет, нет, нет, не тронь! Нет! Отпусти! – разъяренно кричала девушка, словно у неё был приступ истерики. Сторож подбежал на помощь, разглядев, что происходит, он воскликнул:

- Это что ж, она-то, это самое, не совсем бандит, что ли!?

- Да мы за ней бежим уже марафон целый! – с тяжелой отдышкой, крикнул ему милиционер, и пытался поймать руки девушки, ведь она продолжала сопротивляться.

- Милочка, дак, простынешь ведь, держи вот, фуфаечку! – обратился к ней старик сторож, дрожащими руками пытаясь поднести ей одежду.

- Нет! Пустите! Нет! пустите!!! – надрывно кричала беглец, пытаясь вырваться из рук, и продолжала попытки ударить ногтями по лицу старшего сержанта.

- Да успокойся уже, дурочка! Успокойся! Милиция мы, милиция!

Девушка начала просто кричать, биться головой о лед, о камни, со рта её брызгали слюни и капли крови. Милиционер все еще не мог справиться с её сопротивлением.

- Да успокойся ты, приди в себя! – сказал старший сержант.

- Дочк, ну-ка ты что, милая! Хва-хва-хва, замерзнешь! Остепенись! - пытался хоть чем-то помочь сторож.

Внезапно девушка попала постовому кулаком по лицу, смогла вырваться и резко вскочив, побежала. В ярости, со всего разбегу, она прыгнула в котлован строящегося дома и всем телом напоролась на торчащие арматуры от будущего фундамента.

- Стой, милая! – увидев, куда она бросилась, закричал сторож.

Старший сержант, не успев подняться за ней, чтобы схватить, просто стоял и смотрел напуганным взглядом, как девушка облегченно повисла на торчащих, сквозь нее, прутах арматуры, в нескольких местах проткнувшей её юное тело. В грязной и рваной форме, уставший от погони, с растерянным видом он подошел ближе:

- Что же ты наделала дурочка? Что же ты наделала? – прошептал постовой.

Сторож просто молча глядел на девушку, с ужасом в глазах оглядываясь на милиционера. Глаза старика налились слезами, он говорить не мог от всего увиденного.

Наконец, запыхавшись от бега, с шинелью в руках, их нагнал второй постовой.

- Ох, ты ж, что б меня! Это ты её так загнал!?! – испуганно спросил коллега, с лычками ефрейтора на шинели. Старший сержант ничего не смог ответить, неловко оглядываясь по сторонам, с трудом приходя в себя.

Сторож с постовыми спустились к ней, освещая фонарем.

- Куда же ты бежала так? Откуда? – произнес шепотом, не собираясь отходить от неё, старший сержант.

- Да что мы вообще погнались за ней, Андрюх! – огорченно сказал ефрейтор.

- Беда, Сереж, беда. У человека явно беда и мы должны были узнать, от чего она бежит и почему, – сердито взглянув на напарника, ответил старший сержант.

- А теперь что, узнали!?

- Да пошел ты! – отмахнулся старший сержант, осматривая девушку, - Она вон, и так, вся испарпанная. От хорошей жизни что ли?

Свет сторожевого фонаря моргнул, следом замерцали прожектора на заборах стройки. Поднявшийся ветер вихрем пробежался между ними, а потом запахло противным, тухлым запахом, от чего все поморщились.

Через полчаса к месту трагедии подъехали другие работники и службы; начальство, сыщики, врачи, мед эксперты. Постовые стояли неподалеку от тела погибшей, а сторож, с печальным взглядом, пытался угостить их чаем, но они отказывались. Работники уголовного розыска осматривали тело, а к постовым подошел начальник.

- Ну что произошло? – спросил майор, крепкий и коренастый мужчина с седыми волосами, зачесанными назад.

- Мы патрулировали по улице Свердлова, а она уже бежала откуда-то, да вот не понятно куда.

- Ну!?

- Ну, я решил, нужно ведь её догнать, и узнать, чего это она, от кого она бежит.

- Догнал?! – сердито, но с долей издёвки, спросил майор.

- Она сопротивлялась. Может, кто запугал так? А, еще она все время кричала «Нет», «Пусти», «Не тронь».

- Фи-и! - развел руками майор. - Молодцы, ребята, молодцы. Теперь все будут знать, что бегать нельзя, да?

- Товарищ майор, а как нужно было поступить?

- Задерживать и держать, - тяжело вздохнул майор и произнес, - пойду с операми поговорю, может они что откапали.

Постовые, что преследовали девушку, разжились папиросами. Майор подошел к операм, одетым в штатское. Один из них был бандитского вида.

- Что, мужики, какие мысли, доводы, догадки? А то эти только догонять бегом умеют, - ворчал начальник.

- Да мыслей много. Раз бежала, значит, была на то причина. А от кого и куда, – пожал плечами опер, - у неё-то не спросить уже, но, я думаю, удастся выяснить.

- Конечно. Конечно, удастся, капитан. Еще как удастся!

- Не нагнетайте, Глеб Семенович, мы только начали вникать. Все выясним. Еще с нашими надо поговорить.

- Так выясняйте, а то стоите тут! – разругался майор и ушел. Оперативники надув щеки с облегчением вздохнули, что это произошло быстро и не затянулось как лекция.

Этот самый капитан, оперативник, подошел к постовым.

- Здорово, мужики! – поздоровался, протягивая руку капитан.

Постовые ответили рукопожатием.

- Здравия желаем, – ответил ефрейтор.

Капитан посмотрел на печальный вид сержанта, и не стал тратить время на субординацию.

- Ну и ночка, а? - начал выводиться на разговор, капитан.

- Дерьмовая ночка, - ответил старший сержант.

- Давай для ясности и коротко.

- по Свердлова патрулировали...

- Угу, - пробубнил капитан, удивляясь, - извини, перебил.

- Она из переулка выбежала и вперед. Смотрю одна сорочка на ней, да сама босая.

- Угу, - закуривая папиросу, слушал капитан, - где, говоришь, увидели?

- На Свердлова.

- Но тут километров пять, - удивленно приподняв глаза, уточнил капитан.

- Вот я за ней и побежал. Где-то шинель скинул даже.

Капитан, выпуская дым, внимательно следил за словами постового, чтобы в неудобный момент снова перебить, пытаясь понять - сочиняет или нет.

- Допустим, что бежал, а тут она как? - прервал его капитан.

- Бежала. Тут она заблудилась. Знать, не понимала, куда бежит, здесь и сторож на шум выглянул, я же всю дорогу кричал «стой, милиция!»

- А она что?

- Бежала.

Капитан сделал паузу, взглянув на второго постового. Ефрейтор чуть замялся. А сержант продолжал как на духу.

- А вон там, - указывая рукой, объяснял сержант, - на рельсах, она споткнулась, ну и я попытался ее поймать.

- Поймал?

-Поймал. Она же барахталась, норовила глаза выцарапать, пальцы как грабли согнула и махала. Головой билась об лед, орала «пусти-пусти!», а когда освободилась, так с разбегу вон туда, - с печальным видом закончил сержант.

- Орала, да? - коварно посмотрел капитан.

-Как резаная. Говорю ей, «успокойся», а она на своем «Нет! Нет!» «Пусти».

- Угу, - Капитан выбросил окурок и, выпуская дым, с хитрецей спросил, - а ты, Храмышкин, сам как себя чувствуешь?

- Да только от марафона запыхался, товарищ капитан. А так... - пожал плечами постовой.

- Просто медики осмотрели твою бегунью, а у нее языка нет. А ты говоришь, кричала.

- Как языка нет? – не чувствуя под ногами землю, переспросил сержант глядя на капитана.

- А вот нет и всё. Отрезан или вырван, но это еще разберутся, а факт остается фактом.

- Но я же слышал!!!

- А ты слышал? – спросил капитан у ефрейтора.

- Я? Ээ... - замялся постовой, ожидая, что как всегда его покроет старший напарник. Взглянув на старшего сержанта, ефрейтор понял, что отвечать придется самому, - Я не успел, товарищ капитан. Не хватило сил.

- Ты, что?!! Не успел?!! Сил не хватило девочку девятнадцатилетнюю догнать!? Ты вообще мужик, нет?

В это момент подошли два оперативника. Капитан, оглянувшись на них, дал команду, указывая пальцем на бегунов:

- Так. Оружие сдать, коллеги, и завтра ко мне с утра. Пока задерживать не будем. Обойдетесь подпиской. Но если что!

- Ясно, товарищ капитан, – спокойно ответил старший сержант и сдал оружие. Следом, молча, это же сделал его напарник, ефрейтор.

- Ну, все, покиньте место, товарищи. Ваша смена окончена.

Когда все начали расходиться и разъезжаться, капитан подошел к санитарной машине, в которую, только что, накрыв белой простыней, погрузили тело девушки. Рядом стоял врач.

- Когда будут результаты?

- Да какие тут, – усмехнулся медик, - причина смерти - многочисленные проникающие ранения, пробиты органы, порваны артерии и...

- Вообще меня интересует ее язык,- перебил капитан, - или правильнее, его отсутствие.

- Понял я, понял, - кивнул врач, - сейчас доставим, вскрыют, все проверим, утром доложат.

- Договорились.

Глава 2

- Товарищи, обратите внимание на противоположную сторону перекрестка! – сажая голос, надрывался гид-экскурсовод, проводя группу молодых студентов, приехавших с разных городов и сел. - Здесь, в «Доме Особого Назначения», на пересечении Либкнехта и Цеткин, было раз и навсегда покончено с монархией, с рабством и кровавым царским режимом, товарищи! Теперь мы можем свободно, уверенно шагать в светлое коммунистическое будущее! Да, мои юные друзья, в будущее, где, как солнце, воссияет человек труда!!!

-Юные друзья, - с усмешкой и шепотом в конце колонны переговаривались два студента, - сам то на пару лет старше нас.

- Не говори, а глаголет-то, как! Залюбуешься!

- Точно. Так на фронт не призывали. Ладно, - отмахнулся парень, оглядываясь по сторонам, - дошутимся, в Воркуту поедем. О, гляди, Марго на якорь встала.

Два веселых молодых человека подошли к девушке, стоявшей на углу тротуара, разглядывая тот дом, о котором шел рассказ гида.

- Маргоша, милая, - вежливо произнес один из них, - ну что вы заставляете нас переживать за вас? Вы отстанете и потеряетесь!

- Ой, - от неожиданности девушка вздрогнула.

- Действительно, - с улыбкой добавил второй, - и мировой пролетариат не досчитается одной яркой трудовой звезды, как вы.

- Все хорошо с вами, Маргарита?

- Задумалась, засмотрелась... - чуть растерянно, застенчиво улыбаясь, ответила девушка. – Просто, вроде и хорошо, и одновременно... ну, ведь жалко, целая семья.

-Ну ладно, вам, Марго, - отвечал на ее рассуждения улыбчивый второй юноша, - за счастье нужно бороться, вот наши отцы и деды поборолись.

- Пойдемте, ребята, пойдемте! – Подгонял их первый. – А ни то отстанем.

Взяв девушку под локти с двух сторон, ребята поспешили за основной группой. На улице все же было свежо, но безветренно. Утренний туман почти пропал, а вышло бы из дымки солнце, было бы еще приятней.

Навстречу молодым людям, у табачного киоска, попался странный тип. Чуть большой пиджак висел на плечах, под пиджаком тайлся вязаный свитер темного цвета, а брюки выглядели, как трубы с парохода. Огромная шевелюра волос зачесана назад чуть небрежно, от того по бокам свисала очень забавно. Странные, псевдоинтеллигентные усики подчеркивали его пугающий вид. В целом он выглядел строго и прилично, и лет ему было около сорока.

- Студентешки, – проворчал он, зажимая в зубах папиросу, раскуривая с усердием первую затяжку. Он с отвращением посмотрел на молодых людей: – Ходят тут.

Странный тип перешел перекресток по диагонали и прошел к тому самому дому, о котором так яростно и красочно рассказывал экскурсовод. Отойдя к углу дома, чуть прячась за забор, мужчина принялся докуривать папиросу. Он изредка нервно озибался по сторонам.

-«Когда ж уже лето?» - подумал про себя мужчина, вздрагивая от уличной свежести.

В нескольких метрах от него, на тротуаре, стояла женщина. Она с упоением рассматривала этот « дом особого назначения», а затем рискнула спросить:

- Товарищ, скажите, пожалуйста, это не вы, случаем, директор музея?

Погрузившись в свои мысли, мужчина не сразу понял, что обращаются к нему. Женщина сделала шаг ближе, и еще раз спросила:

- Я прошу прощения, вы, случаем не Никита Эдуардович?

Мужчина прокашлялся от дыма, оборачиваясь на голос.

- Вы, гражданка, по какому поводу?
- Мне сказали, обратиться к директору музея, ну, того, что «особый дом». - Пояснила женщина.
- Вы ошиблись, гражданочка, это уже давно архив городской бухгалтерии. Вы ничего не напутали?
- Меня послала к вам Раиса Анатольевна, сказала, что вы её хороший друг и сможете мне оказать маленькую услугу.
- Какая Раиса Анатольевна? О чем вы говорите? – изобразил непонимание мужчина.
- Ой, совсем упустила, я про Раису Анатольевну Киррман. Её фамилия Киррман, – шепотом повторила ее фамилию, незнакомка.
- А-Ах!- радостно удивляясь, ответил Никита Эдуардович. - Так вы от Раисы Анатольевны!?
- Да, именно, от Раисы Анатольевны, - радостно заулыбалась женщина, - так сколько?
- Ну, тише-тише, что вы так громко?!- оглядываясь, мужчина приблизился к ней, пытаясь словестно унять её пыл.
- Четвертак, верно?!
- Тише, прошу вас! Совершенно верно. Только тише, кругом могут быть «уши».
- Я так рада! Я так рада! Вы не представляете, этот дом, это место – единственный оставшийся оплот веры и мученичества! Ох! – женщина попыталась тайком сунуть ему в руки бумажные деньги.
- Я вас прошу. Прошу вас! Не здесь, не тут, не сейчас. Это просто склад канцелярии. Это давно не музей.
- Ну, вы же тут...
- Я тут работаю, - перебил ее мужчина, - работаю и пускаю знакомых и друзей моих знакомых.
- Вот, пожалуйста, - повторила попытку женщина, в этот раз шепотом, при этом незаметно и очень аккуратно, положила в карман мужчине двадцать пять рублей.
- Прошу вас, - уже вежливо и обходительно товарищ Сыропятов пригласил женщину войти в дом, жестом руки.
- В доме была тишина. Войдя, перед тем как закрыть дверь, Сыропятов осмотрелся.
- Проходите. Вход в подвал вон там, всё в вашем распоряжении. Свет там включен. Экскурсию, я так полагаю, вам не нужно проводить?
- Благодарю вас, Никита Эдуардович, благодарю. Нет, мне ничего не нужно.
- Женщина выглядела очень счастливой и почти возбужденной от блаженства находится в этом месте, казалось, разум её затмился. А директор музея «Дом Особого Назначения», а ныне просто архив канцелярии, прошел дальше по коридору, осматривая комнаты заваленные стопками бумаг и документов. В главном зале он встретил уборщицу, старушку лет семидесяти. В рабочем халате темно синего цвета, с повязанным платком на голове, она сидела на стуле неподвижно и всматривалась в проход, откуда вошел товарищ Сыропятов. Один глаз ее был прищурен, второй, с бельмом, неподвижно открыт. Она больше напоминала восковую фигуру. Ведро с водой и брошенная швабра были в противоположном углу.
- Клавдия Егоровна, ну что вы не идете домой?! Ну-таки помыли уже все, ну-таки идите! Ум-м, тоже блаженствуете тут? – обратился Сыропятов к уборщице, занозив руки в карманы пиджака, зная, что старушка глуховата, и можно хоть что говорить, а уж если шепотом то тем более.
- Глубоко вздохнув, он осмотрел все углы, стены, оценил помытые полы, тем более дубовый паркет, и, вновь взглянув на старушку, пробубнил:
- Ну, сидите-таки, блаженные идиоты, хех! Ай, - произнес он напоследок, отмахнувшись рукой, и прошел дальше, до комнаты ставшей его рабочим кабинетом.

Закрывшись в кабинете, директор архива по привычке огляделся, прислушался к двери, нет ли за ним слежки, заглянул через окно на улицу, не подходя к подоконнику, а уж затем уселся за стол. Вынув из кармана деньги, он с педантичностью разгладил их по столу и, придвинув к себе журнал, он сделал несколько записей чернилами, затем пересчитал деньги, что-то дополнил в записи, а с задней страницы достал еще пачку денег. Деньги он поделил на две неравные доли, большую убрав обратно к себе, меньшую обратно в журнал, а журнал спрятал в столе с замком. После проделанной операции, Сыропятов облегченно вздохнул, постукивая с довольным видом пальцами по столу, он довольно улыбался. Так он успокаивал себя от боязни встретить работников милиции за такие «черные» махинации, но его было не остановить. В углу кабинета на комод, стояла банка с водой и лежащим рядом кипятильником. Но чай сам себя не заварит, пришлось вставать.

В ожидании, директор архива с важным и задумчивым видом ходил из угла в угол. Незаметно вода очень быстро начала закипать. Спohватившись, что всё выльется через край, он подошел к розетке. Взявшись за вилку, он почувствовал жжение и электрический укус.

- Эйфф! Да чтобы-таки тебя,- выругался мужчина. Вода бурлила как пена. - Да что же это такое?!

Потрогав мочку уха, переведя дыхание, он принялся заваривать свежий чай. В кабинете стояла тишина, заставляющая скучать. Через стену кто-то постучал. Никита Эдуардович вздрогнув, высыпал заварки больше положенного. Отодвинув все в сторону, он пошел проверить, кто там мог находиться, чтобы еще так и стучать. В коридоре по-прежнему сидела старушка, рассматривая входную дверь.

- Клавдия Егоровна, это вы там что-то уронили!?- крикнул он ей. - Ах, ты же глухая карга!

Закрывшись в кабинете, не успев дойти до своего чайного набора, в стену снова постучались. Дрожащей рукой, заметно нервничая, товарищ Сыропятов пошарил в карманах связку ключей и снова вышел в коридор, к той комнате, где шумели. Щелчок замка и дверь открыта. Боясь войти, он через порог несколько раз осмотрел все углы комнаты. Стук раздался откуда-то из-под полов. Глухой и настойчивый стук. Зрачки у мужчины увеличились, дыхание участилось.

- Никита Эдуардович! – раздался приятный женский голос, откуда-то справа от него.

- АА!! – вскрикнул он от испуга, отойдя от комнаты в коридор и повернувшись на голос.

- Прошу прощения, я не хотела вас пугать, - улыбаясь, но при этом, испытывая чувство вины, сказала женщина.

- Это вы что-то уронили?

- Что простите? – растеряно переспросила гостя.

- Я говорю, это вы стучали? – напряженно спросил Сыропятов.

- Куда стучала? Вы что? Я просто помолилась, подержала свечу и всего-то.

-Что? Какую свечку? – недоумевая, продолжал директор.

- Товарищ Сыропятов, вы забыли, видимо, для чего к вам люди ходят в подвал, не бесплатно? Вдобавок, не забывают про тех, кто может это прекратить – милиция например или кто страшнее.

- А, нет! Что вы – что вы! Нет! Да ничего. А шумели это не вы?

- Дорогой Никита Эдуардович, я не в том возрасте, чтобы шуметь. Я благодарю вас за время и возможность. Всего вам доброго!

После всего сказанного, женщина с гордым и видом развернулась и вышла. Сыропятов поспешил закрыть за ней дверь на замок, опасаясь проблем, по поводу не трудового дохода. Подергав ручку, потолкав дверь, дабы убедиться, что она закрыта, мужчина сделал шаг назад, еще раз взглянув на дверь и, что-то вспомнив, обернулся. Взглянув в коридор, он не обнаружил там уборщицы. С подвала донесся звук. Бросив взор на подвальную дверь, Сыропятов замер, увидев, как она медленно закрывается. Ему показалось – тот, кто вошел, потянул ее

рукой за собой, отчего она двигается по инерции. Чуть пошатнувшись, он поспеши в подвал. Заглядывая перед собой на каждом шагу, он прислушивался что там, а уже спустившись, он обнаружил во втором помещении стоящую возле дыр в стене, Клавдию Егоровну. Она просто стояла, задрав голову вверх.

- Вы что-таки как слон в посудной лавке шумите, громыхаете-таки!? – рассердившись, директор обратился к уборщице. В ответ была тишина. Сделав шаг вперед, мужчина остановился, просто на всякий случай. – Я к вам обращаюсь, Клавдия Егоровна! Это все-же-таки и музей, и архив города, здесь надо аккуратнее! - опасаясь чего-то, Сыропятов поругал женщину.

Сверху хлопнула дверь, и слышались шаги. Первым делом, он подумал, что это за ним, арестовывать, как вдруг раздался спокойный, даже добрый голос молодого человека:

- Эй!?? Есть тут кто? Никита Эдуардович здесь есть!?!?

Голос был не строгий, вопрошающий и даже чуточку растерянный. Сыропятов обернулся, пытаясь заворчать на старушку, но не обнаружил ее.

- Ах, ты ж старая карга! – проговорил он и, повернувшись лицом к лестнице, крикнул, - секундочку! Я иду!

Поднявшись наверх, директор увидел молодого клерка, в сером пальто и маленьких круглых очках с тонкой оправой.

- Здравствуйте! А не подскажете, как мне найти Никиту Эдуардовича!? – растерянно, но бодро воскликнул гость.

- И вам, здравствуйте. А вы по какому-таки вопросу? - уточнил директор, все еще опасаясь проверки.

- Я из администрации. Документы привез в архив.

- А! А-а! – постепенно вспоминая, о чем речь, ответил Сыропятов, - Да? Уже? Проходите, пожалуйста, проходите!

Директор поспешил достать ключи и открыть дверь архива. Следом за клерком, вошли еще двое, с огромными стопками папок и прочих подшитых документов. Пока была разгрузка, прием и опись содержимого, смотрителю особого дома забылось, что ему померещилось в подвале. К концу дня пошел дождь. Он хоть и весенний, но тепла и радости он не доставлял. Апрель выглядел на удивление нерадостный. Стемнело быстро.

Заполняя ведомости и таблицы, Никита Эдуардович слышал голоса. Погруженный в труды красивого почерка, он сначала не обратил на это внимание. Но когда голоса слышались прямо за дверью его кабинета, он замер, подняв взгляд на вход.

«Неужели милиция?» - подумал он. Руки и лоб его вспотели. – «А если просто бандиты или дурак какой балуется?»

Голоса бродили по коридору, голоса слышались за окном. Чем больше он вслушивался в этот шепот, тем ему казалось страшнее. Речь была невнятная, неразборчивая, иногда пропадала, а иногда звучала четко, но все же непонятно. Голоса смешивались: мужские - грубые, хриплые. Женские голоса – веселые, плачущие, детский смех и стон.

Лампочки стали гаснуть, одна за другой, и вдруг в полном мраке стало тихо. Сыропятов медленно подошел к двери, прислушался. Дышать стало тяжело, рассудок затуманило. Сев на корточки, прижавшись спиной к двери, он с трудом и в отчаянии прошептал:

- Кто там? что вам надо от меня?

Тишина. Чуть приоткрыв дверь, он всматривался в темноту. И тут-то он вспомнил, что в кармане есть спички и спичками можно не только подкуривать. Щелчок – и вроде как что-то видно. Так он вышел в коридор, оглядеться и разобраться.

В правом крыле здания, в конце коридора ему показался силуэт.

- Клавдия Егоровна?! – проговорил он, не до конца понимая, что ему привиделось. – Вы что ли? Вы чего еще не дома?

В ответ слышалось тяжелое дыхание, а старушка стояла неподвижно.

- Так, ну уже-таки не смешно!

Внезапно спичка потухла, от чего Сыропятов дернул рукой. Подув на пальцы, он достал вторую и зажег. Силуэт стоял еще ближе.

- Егоровна, ты что, на старости лет шутить удумала?! Уволю тебя! – заругался директор. Протянув руку вперед, чуть выше головы, пытаясь осветить коридор, Сыропятов увидел как старушка, Егоровна, прогнулась через спину и двигается к нему. Швырнув горящую спичку на пол, без раздумья, он выбежал на улицу, ощущая хриплое дыхание за спиной и слыша множество голосов. Тусклые фонари и апрельский вечерний морозящий дождь, а поблизости ни одного милиционера во спасение...

Глава 3

- Галя! Галя! Галя! Ну, своди меня в музей, или давай в парк!? Галь!! - не унималась девочка лет двенадцати, сидя в кресле-каталке.

- Галь, ну пожалуйста,- вторила молодая бабушка этой девочки, - мама её уехала, а мне одной тяжело.

- Нет! Я прошу вас, я не могу, пожалуйста, мне не нужна такая работа, - умоляюще, чуть не плача, четко отвечала та самая девушка Галина. - Я, тем более, не собственность!

- Нет же, ну что ты!? – испугавшись, отвечала бабушка, боясь спровоцировать появление милиции здесь.

- Вы даже выслушивать не хотите, вы всегда перебиваете. Я не вещь, что бы в меня супом швыряли и плевали, я не мишень, не раб.

- Хорошо, согласна, Галочка. Согласна. Ты уж прости меня, прошу, умоляю, милая моя. Я же еще в первый раз сказала, у нее, ну это особенность, ты же видишь, - как могла, с артистизмом, но искренне, умоляла женщина.

- Галя, ты где!? Галь, ну Галя! Ну, прошу, прошу, прошу!! – смеясь, заманивала и упрашивала девочка.

- Я могу понять вас лично, но не поведение и отношение. Я же не собственность! Я студентка, я в комсомол вступила, а мне вот так вот все, - чуть не плача, уже повышая голос, отвечала Галина.

- Прошу, галочка, но вы же подружились, ну, - прижавшись к руке девушки, упрашивала женщина.

- Нет, нет и еще раз нет, и точка.

-Галя, Галя, Галочка! – звала, не унимаясь, девчонка, хлопая в ладоши.

- Галчонок, милая, - уже обняв девушку, и еще нежнее убавив голос, продолжала упрашивать женщина, - ну пойми, дорогая моя, годы были тяжелые, времена такие. Нам тяжело и сейчас, но мы же готовы щедро приплачивать и с учебой я в силах помочь. Ну, мало ли.

- Да мне неприятно, понимаете, я почти всю войну подростком в госпиталях прослужила. И вот я выросла, и приходится подрабатывать, в довесок, чтобы в меня дитё постороннее плевало и било!?

- Ну, это же следствие болезни! – улыбнулась женщина. – И не подрабатывать, а, ну скажем, практика. Это же призвание! Нам тяжело.

- Вы родители!

- Совершенно верно, согласна. Но я прошу тебя, как человека с большой буквы, высоких идей, комсомольца.

- Эта неделя меня выбила из колеи,- устало сокрушалась девушка, едва сдерживая себя от слез.

- Ну-ну, ну право, что ты, Галочка! Милая моя, мой друг.

Галя села на стул, взявшись за голову, пытаясь бороться с отчаянием. Молодая бабушка, упрашивая, подседа рядом, словно к подруге долгих лет, мило и дружественно обняв ее: - Галочка, ну милая, я помогу тебе всем, но она привязалась к тебе. Эх, да, этот тяжелый диагноз, упаси Господь других детей и родителей. Так ведь она привязалась, ведь дети любят тех, кто им по душе.

- Как вы умеете уговаривать и давить, - вытирая слезы ответила Галя.

- Ну, милая, ну хватит! Ну! Ну!? Значит, договорились?!

- Хорошо, договорились. Но только, не знаю как, вы с ней поговорите, договоритесь, уговорите, чтобы она перестала следить за мной, например, когда я в туалете.

- Это проявление болезни. Я поняла, я обещаю все сделать. Правда, я, честно говоря, с трудом представляю, как можно следить за кем-то в кресле-каталке.

Вот уже Галина и её подопечная девочка, по имени София, бродят по городу, вдыхая ароматы апреля, рассматривая строительство и новую архитектуру города. В одном из скверов кто-то крикнул:

- Галька, ты ли это?!

Девушка обернулась, высматривая, откуда раздался голос, и обнаружила идущую на нее девушку.

- Дуська!?? Дашенька, конечно, я! Здравствуй!

- Столько лет! Ты что тут делаешь, дорогая ты моя? – улыбаясь, звонким и радостным голосом расспрашивала подошедшая Даша.

- Я приступила к учебе еще два года назад, работаю медсестрой, и просто подрабатываю.

- Подрабатываешь? Интересно, - в недоумении смотрела Даша на подругу детства.

- Точно так. А вот, знакомься, - подмигнула глазом подруге Галя, - это моя юная подружка, София.

- А, здравствуй, София, очень приятно! А я Даша, – все поняв, Дарья вела себя очень приветливо, без лишних вопросов.

- Даша? Дарья? Дарья!! Привет, Дарья! – повторяла девочка, произвольно размахивая руками.

- Ну вот. Мы просто прогуливаемся сегодня, - ответила Галина.

- Как семья? Как бабушка? – спросила Даша.

- Все хорошо, спасибо. Может для начала, съедим мороженое?

- Да! Да! Да! Ура! Парк! Мороженое! – обрадовалась София, при этом весьма странно двигаясь, изображая неприятную гримасу. Галина поняла по взгляду подруги, что той это все диковинно и не совсем приятно.

- Не обращай внимания, - шепнула Галя.

- Да что ты, все в порядке, - с пониманием и серьезным тоном ответила подруга.

Сквер рядом с парком был полон народу. Большинство, подобно им, хаотично бродили, любясь природой, наслаждались выходным днем, весной. Гуляли и влюбленные пары.

Девчата прогуливались не торопясь, беседуя, размышляя. Погода в этот день просто баловала. На выходе из парка к ним подошел молодой человек приятной наружности и весьма крепкого телосложения.

- Здравствуйте, милые незнакомки! – растопив своим голосом сердца девушек, заговорил незнакомый юноша.

- И вам доброго дня! – ответила с ходу Дарья.

- Я смотрю, вы гуляете. Хотел пригласить вас, присоединиться к нам, у нас весело! А это вам! – молодой человек передал самой юной девочке, стаканчик мороженого с сиропом, при этом он пустил в дело свою обворожительную, актерскую улыбку.

Галина застеснялась, но не могла сдержать улыбки, а Дарья, забыв о своей серьезности, просто растаяла и решила уточнить:

- А вы всех приглашаете таким вот образом?

- Ну что вы, не подумайте плохого. Я просто впервые вижу столь обворожительных принцесс, и все брюнетки!

- Брюнетки! Брюнетки! Брюнетки! – закричала София, размахивая руками, а после глупо смеялась и вскрикивала.

Галина от неловкости встала как вкопанная, а вот Дарья не обращала внимания и готова была хоть сейчас под венец за такого красавца.

- А он вруша! А он вруша! – начала кричать София, показывая пальцем.

- София, я прошу тебя, перестань и успокойся! – шептала ей на ухо Галя.

Молодой человек, почувствовал неловкость, но, как джентльмен, устоял, прикрывшись улыбкой и добрым взглядом.

- Это не вежливо, София! – сердито сказала Дарья, и с улыбкой переводя взгляд на юношу.

- Да все в порядке, вы что! – улыбался парень. - Разве можно обижаться на ребенка, тем более ей смешно, а на улице весна.

- Врушка! Врушка! – продолжала София. - Взрослый врушка!

- Прекрати, Софка! – нахмурилась Галя, присев перед ней на корточки, взяв за руки. За тем встав, она повернулась к молодому человеку: - Вы нас извините! Мне неловко! Мы с Софией можем создать неудобства, поэтому... Я вам признательна за приглашение!

- Да все в порядке, девушки! Не стоит даже думать о таком инциденте, я вас прошу, пойдете, мы на той стороне. Я приглашаю, если хотите, но я настаиваю!

- Ну, а я пойду!!- сказала Даша, чуть отойдя с молодым человеком, она вспомнила про подругу. Обернувшись, она с иронией посмотрела, что она одиноко держит кресло-каталку, и сказала:

- Рада видеть была, Галчонок! Впрочем... люблю, пока!

Дарья ушла с молодым человеком, уже под руку. Галя наблюдала, как они смеялись и уходили все дальше, через весь сквер. Ей хотелось провалиться, но она вспомнила, что это все временно, и будет у нее праздник в жизни. Глубоко задумавшись, она не расслышала как София, смеясь, кричала им вдогонку:

- Берегись! Берегись! Берегись!

При этом она вертела головой по сторонам.

- Софка, прекрати, пожалуйста, слышишь!! Это не красиво, очень!

-Хэ-хэ! А что? - взглянула на Галину девочка и еще раз крикнула им в след: - Берегись!

- София, перестань! Мы в общественном месте! – сердитым тоном Галя сделала ей замечание. - Вот что!

Галина, взявшись за поручни каталки, повела ее с этого места. А София замолчала, но, повернув голову, долго смотрела на уходящих со сквера Дарью и незнакомца.

-Я многое могу понять, Софья, но у меня есть своя жизнь, и они взрослые для тебя люди, так не прилично себя вести. Дети должны быть скромнее и сдержаннее.

Галина стеснительно осмотрелась по сторонам и продолжила идти. София замолчала, не издавая ни звука, неподвижно, не шевелясь и не моргая, она продолжала смотреть на них, пока, наконец, не потеряла их из виду. Внезапно, за спиной, где-то на выходе из сквера, раздались женские крики, мужчины начали кричать, ругаться, поднялась паника. Услышав это, Галя обернулась.

Там на выходе из сквера, где шла ее подруга и молодой незнакомец, столпились люди, слышались крики: - « Милиция!!!», « Прекратите!».

Разрываясь от любопытства и гражданского долга, Галя повернула каталку и направилась туда, в гущу событий. Там уже подоспели постовые милиционеры, открывшие огонь по мужчине который бил ножом бездыханных молодых людей – подругу Дарью и обаятельного незнакомца.

-« Нет... Нет... Только не это», – думала про себя Галя, зажав рот ладонью.

Неразбериха, суматоха. Воздух пропитался ужасом, и наполнил сердца людей страхом. Двое молодых людей, истекающих кровью от многочисленных ножевых ранений, с лицами, переполненными болью. А нападавший упал, не почувствовал боли. Глаза его были почти без радужки, холодные, он словно сам не понимал, что делает. Рядом столпились друзья погибшего, не знавшие, что делать. Звали, торопили «скорую», кто-то хотел помочь сам. Кровь заполнила трещины в асфальте, протекая меж торчащих камней щебня, как ручей.

- Уйдем отсюда, не смотри, - опомнилась Галина, разворачивая коляску. Невзначай взглянув на свою подопечную, девушка заострила внимание, что та спокойно и без эмоций смотрела на все происходящее. - Домой пора. Хватит на сегодня.

- Не спиши. Иди спокойно, устанешь.

- Не могу. Они же все, ты понимаешь!? Ужас. За что? Кто посмел? Уйдем, - задыхаясь от эмоций, чтобы не заплакать, сказал Галя.

- Их уже не вернуть. Уже все случилось. А кто был третьим? Давай вернемся? – спокойно просила София.

- Нет, мы идем домой.

- Давай вернемся! – чуть громче и требовательней сказала София.

- Я сказала - нет. Я не хочу это видеть и чтобы видела это ты. Я устала вдобавок!

- Ты не устала! Давай вернемся!! – уже довольно громко, привлекая внимания, говорила София.

Галина отошла подальше, к деревьям, где никого не было, обошла каталку и наклонилась к девочке:

- Я с детства знаю эту девочку, слышишь, с детства, но она мертва и ничем я не могу помочь. Ничем! А стоять, разинув рот, как в театре, я не могу, не хочу и не имею права! И перед твоей бабушкой за это зрелище я не хочу отвечать!

- Ты не устала! Ты не устала! Ты не устала! Давай вернемся, ну давай-давай вернемся!! Галочка, давай вернемся!

- На сегодня – всё, – грозно и монотонно ответила Галина. Взявшись за каталку, она без остановки шла вперед, пытаясь сдержать слезы. Она пыталась претвориться, что видела страшный сон. Услышав строгий отказ, София закусила нижнюю губу, начала скулить и бить руками по подлокотникам, мотая головой из стороны в сторону.

Незаметно Галина добралась до места жительства Софии. Девочка уже успокоилась и чуть-чуть дремала. Большой дом в конце улицы, недалеко от самого центра, стоявший особняком, весьма приличных размеров, построенный еще в годы царской России, на удивление не превращен в коммунальное жилище, имел множество комнат и даже канализацию.

На пороге их встретила бабушка Софии.

- Милые мои, вы уже нагулялись? А что случилось с вами!?

София не разговаривала и даже не реагировала на бабушку, а вот Галина напротив, всем своим видом она уже показала тревогу и отчаяние.

- Мы... Мы просто увидели то, что видеть нам не нужно. Там случилось такое... Всего пару часов назад.

- Я даже затрудняюсь, милые мои, предположить... - попыталась разговаривать с ними женщина, как Галина не выдержала:

- Почти у нас на глазах, мою подругу детства, мы не виделись много лет, её и молодого человек просто убили на улице, в сквере!!!

- Какой ужас, Господи, - вздрогнув, произнесла женщина, машинально перекрестилась.

- Я....мне очень тяжело. Я, может, как медсестра должна была помочь, но они уже были мертвы. Как понятой, я не хочу, я не хочу, я боюсь, я устала.

Поняв, как Галя напугана, пережив эту мерзость и грязь, как ее чувства и душа ранена, попыталась немного сгладить ситуацию:

- Милая моя, пойдем, поужинаешь и останешься у нас. Я прошу, нет, я даже настаиваю, идем. Я за тобой поухаживаю, хочешь, баню затопим?

- Нет, спасибо. Вы меня простите, Майя Константиновна, но я пойду к себе в общежитие, там друзья, там уже привычнее.

- Оставайся, прошу. Можешь завтра ничего не делать, просто останься. Я не могу так тебя отпустить, я буду очень переживать.

- Не волнуйтесь. Я приду в себя, завтра отучусь и приду.

- Как тебе будет угодно, дорогая моя. Но в любую секунду можешь передумать и остаться.

Все это время, включая прощание и проводы, София сидела не подвижно, не проронила ни звука, просто смотря в одну точку. Галина ушла, дверь дома закрылась. Майя Константиновна принялась самостоятельно раздевать внучку, протерла колеса и отправилась с девочкой в ванную комнату. Открыв краны, повесив полотенца, женщина посмотрела на внучку.

- Что-то ты совсем не своя? Все в порядке? - выдержав короткую паузу, погладив ребенка по волосам, она сказала: - Надо искупаться, помыться и стереть с себя этот ужасный день. Не нужно расстраиваться.

- Еще двое мертвы, - тихо проговорила София.

На какое-то мгновение бабушка просто молча смотрела на девочку. Руки ее от волнения чуть заметно дрогнули, но она научилась с этим справляться. Женщина перенесла на руках девочку в ванную, наполненную теплой водой. Натирая мочалом девочку, женщина слышала от нее:

- Я не могу уже. Лучше бы я умерла давно, чем это все.

-Нет, милая! Нельзя такое говорить! Мы все переживем, мы со всем справимся, но не смей сдаваться, не смей отступать и тем более такое говорить и думать!

Глава 4

Галина добралась до студенческого общежития медицинского института. К вечеру уже слегка похолодало, вдобавок ветер нагнал тучи.

- Галочка, ты с работы только идешь? На тебе лица нет, - встретила ее комендант общежития у самого входа.

- Добрый вечер, Зинаида Львовна, – очень резко, с усталостью ответила девушка и молниеносно промчалась через проходную.

Здесь творился вечерний быт: кто-то готовился ко сну, наводили вечерний марафет, но это большинство, а немногочисленные группы лиц занимались докладами, рефератами, конспектами. Ее соседи по комнате были заняты вторым вариантом вечера и не заметили, как вернулась их соседка.

Быт тут был уютный, обустроенный, коллектив дружный и это даже заставляло улыбаться просто так. Незаметно взяв свои вещи, Галя также незаметно вышла. Сначала девушка спряталась в душевой комнате, просидев там под кипятком, рыдая и плача. По другому она не знала, как перебороть и пережить то, что она сегодня пережила. Спрашивая и рассуждая, правильно ли она поступила сегодня? Может ли она бояться всего этого, если она все это видела в госпиталях? Хотелось рыдать и кричать от такого страха, от своей трусости.

- Дура, трусливая дура. Ты как еще санитаркой работала и медсестрой?!?! – корила она себя, ругаясь сквозь зубы, и, вцепившись пальцами в волосы, плакала. Прижавшись к стене, она сползла на пол.

В помещение было почти темно, горело пару лампочек, и это успокаивало. Вода, как нечто блаженное, смывала с неё горечь дня, сплевывая и сморкаясь себе под ноги, она не смывала лицо, она била себя по щекам, желая навредить себе.

-Как это? Как это?...Дура трусливая, дура... Дура... - а потом она снова начинала плакать.

Где-то на входе в душевую скрипнули дверные петли, что-то стукнулось о пол. Галя приоткрылась, думая, что это комендант или девочки, просто не включили весь свет. Поторопившись смыть пену с лица, встряхнуть волосы, она выглянула в проход. Никого. Вода продолжала смывать по ее телу остатки мыла, а она все смотрела.

Кроме шума воды, что билась о кафель, был слышан шум чего-то еще. Галя протянула руку до крана, убавив воду. Всмотриваясь в темноту, она слышала биение сердца, его стук нарастал, а в темноте казалось, кто-то был. Шум нарастал, становился интенсивнее, « Так это же дождь» - выдохнула она с облегчением, поняв, что именно он так и шумит через стены и крышу.

Только выдохнув и включив воду, на входе раздался грохот, ударились дверь и скрежет огромных стальных петель. Галя закрыла воду, присела. Эхом по всей душевой раздалось кланье по кафелю – что-то острое, что-то тяжелое перемещалось, как шаги, то медленно, то рысцой. Когда это противное цоканье приблизилось за стенкой, стало слышно, как скрипит стекло – мерзко, противно, до скрипа в зубах. Снова гроыхнула входная дверь, включился свет и послышались молодые женские голоса. Девушки завернули в последний ряд, возле окон и встретили Галю.

- Ой, Галка, а ты что тут? – спрашивала самая высокая из всех, с рыжими волосами, - Тебя обидел кто?

Все остальные поспешили к ним, разглядывая ее. От страха она чуть не потеряла дар речи.

- Я...Да это, я ...

- Ты что тут в темноте? Что то случилось?

- Да кто-то хулиганил видимо и погасил свет! А я тут вся в мыле, – отговорила Галя, чтобы не сочли за сумасшедшую.

- Это что еще за номер?? Найду кто, голову откручу! – возмутилась рыжая.

- А вы то, что не спите?

-Ну а мы просто, Галчон, просто, - ответила другая, ловко вынимая из под халата пачку папирос.

- Так, девочки, Гальку не пугать,- сказала третья.

- Да без тебя знаем, не уж-то мы. Давай вытирайся, а то стоишь тут, голенькая такая вся, – сказала все та же рыжая.

Галя очень быстро обтерлась, переоделась в ночное белье, собрала вещи и убежала из душевой.

- С работы наверно, устала девка,- сказал кто-то из коллектива, укутавшись в табачный дым.

Дождь к полуночи разошелся не на шутку и очень сильно беспокоил крыши и окна. От ветра прилично досталось проводам и освещению. Общежитие, несмотря на такую погоду уже сладко наблюдало сны. Комната, где жила Галя, сладко сопела, кроме нее самой – мучали мысли о прожитом дне.

Тишину нарушил глухой стук как барабанная дробь, где-то в коридоре. Галя вздрогнула, открыв глаза. В общежитии было тихо, все спали, никто не реагировал. Дверь в комнату медленно отворилась, но никого не было видно. По полу с коридора послышалось кляцанье. Руки девушки затряслись, она даже не могла разбудить соседок. В комнату потянулся запах тухлятины, но и он никого не разбудил.

Внезапно Галя почувствовала, как ее схватили за ноги и резко стащили на пол. Ударившись лицом, она чуть не потеряла сознание, и просто застонала от боли. Не успев прийти в себя, что-то вышвырнуло ее в коридор и снова уронило, как тряпку. Дверь в комнату захлопнулась. Девушка поднялась в воздух от пола и снова была брошена вниз. Послышался хруст тонких косточек, из разбитых губ и носа текла кровь, а по коридору усиливался запах зловония, он вызывал рвотные пазы и тупил сознание.

Пытаясь встать, она шаталась из стороны в сторону, оглядываясь вокруг и все же, старалась закричать, чтобы позвать на помощь. Все было тщетно, страх сковал тело, голова кружилась.

С другой стороны коридора послышался звук, напоминающий мычание. Галя смогла подняться на четвереньки, но боль в ребрах не давала двигаться, при попытке постучать она получила удар в ребра, который ее отшвырнул на несколько метров.

Заскулив от боли, она попыталась ползти. Нападавшего девушка так и не видела, теперь слезы закрыли пеленой глаза. Свет в коридоре погас, но слышался шум приближающихся шагов.

« Спасение», - подумала Галя, пытаясь подняться. Шаги приближались, но это был не одна, а две пары ног, они шагали попарно, цокали. Вот цоканье ускорилося, и послышался визг, затем блеяние, а после мычание, превратившееся в рык.

Галя разглядела сквозь слезы, как ее атаковал огромный баран, ударяя рогами – один рог был бычий, второй бараний. Половина головы была похожа на человеческую, половина баранья, а все тело было похоже на огромного быка. Огромными клыками он порезал девушке плечо и ухо.

Собрав силы, девушка бросилась в бегство, на четвереньках. Еще один таран в бок и она ударяется головой о стенку, а бык начинает ее топтать мощными копытами. От него несет зловонием. Почти без сил она упала.

- Впусти меня в свою плоть, грязная падаль! Впусти! – послышался холодный голос отовсюду, и будто в ней самой. От страха девушка обмочилась. Голос прошел через нее насквозь, до самых глубин ее разума:

- Будешь мне служить, непорочная. Соглашайся. Я воспитаю тебя.

Из темноты вновь появился этот огромный зверь уже с головой быка, а телом барана, он обнюхивал полы, девушку, нюхал ее между ног, нюхал тело, а кровь из ран он начал слизывать, повизгивая, словно радуясь. Девушка перевалилась на живот и пыталась ползти. Зверь с разбегу попытался забодать ее, но ударив рогом, только порезал ей спину. И тут, уже переполнив себя яростью, она вскочила и побежала. Челюсть свело от боли, от адреналина зубы стучали друг о друга, лицо перекосило ужасом. На лестничном марше путь был прегражден высоким черным силуэтом, который было невозможно разглядеть. Он схватил девушку за лицо такой силой, что открыл ей челюсть, а второй рукой добрался до языка и резким движением вырвал его, отшвырнул девушку в сторону, а язык бросил на съедение зверю.

Галя на коленях, как могла, передвигалась вниз, во спасение. Руки тряслись, тело дрожало, ноги не держались, разум покатился в неизвестном направлении. Силуэт перемещался с ней, рядом, как туман, он смеялся над ней, было слышно, как он сильным голосом ей дышит в спину.

-Ты решилась уже, подарить мне плоть!?! Гнилушка! Жаба! Болячка! Ты никому не нужна кроме меня! Твое тело – гной! Ты сгоришь!!

Казалось, он говорил на вдохе, в себя, а не на выдохе. Девушка карабкалась, скулила от боли, открытые раны ее кровоточили. Боль пронизывающая, тело непослушное, но выбравшись на улицу, она смогла встать и побежать. Бежать и бежать, бежать и бежать, что бы кто-нибудь увидел, кто-нибудь услышал, а над ней застыл смех того, всего черного.

-Ну же! Давай же, согреси! Возьми стекло и ускорься! Вскрой вены! – слышалось ей. - Грязь, грязь, потасканная ты грязь, любящая запахи гнили! Ха-ха-ха!!

Это голос звучал свирепо, смех звучал противно, но от этого она даже бежала быстрее. Сердце уже вот-вот вырывалось из груди. Она бежала мимо заборов, мимо дворов, бежала, что было сил. Забежав в один из дворов, ее поймал этот силуэт, схватил за лицо, поцеловал и разразился в припадочном смехе. Отшвырнув ее, он просто смотрел. Дождь заливал глаза, смывал с нее кровь. Задыхаясь и захлебываясь, она продолжила бегство, как вдруг её ослепил яркий свет и последовал тяжелый и мощный удар.

Ее сознание потемнело сразу же, а звуки превратились в звонкую тишину. Девушка перестала видеть, слышать себя, чувствовать себя и ощущать боль. В этой крошечной тьме холодным эхом вострубили горны, просвистела флейта и вот опять, тот самый голос:

- Глупая, хех! Нужно было просто служить мне! Просто служить! Дочь грязной шлюхи, больная мразь! Я превращу твою душу в гной!!! В гноооййй.....

Тело совсем юной девушки лежало на мокрой земле, а дождь продолжал лить, смывая все следы.

Глава 5

Апрельским утром в одиночной камере особой тюрьмы МГБ стальным эхом трижды щелкнул замок бронированной двери. Следом скрипнули петли, загоняя воздух и свет коридорного освещения. По бетонному полу шаркнули кирзовые сапоги, и грозный солдатский голос произнес:

- Арестованный Вершинин, встать! С вещами на выход!

Алексей размеренно и неторопливо выполнил приказ. Сложив руки за спиной, морщась от света, он вышел из камеры в коридор.

- Фамилия, имя, отчество, год рождения, звание? - спокойным, но сильным командным голосом спросил второй солдат, в звании младшего лейтенанта. На что Вершинин на секунду замешкался, думая, - «зачем это перед расстрелом?».

- Вершинин Алексей Митрофанович, одна тысяча девятьсот четырнадцатый, лейтенант милиции.

- Руки за спину, вперед марш! – скомандовал офицер, и конвоиры, взяв его на караул, указали направление движения.

Вершинин, как всегда, шел уверенно, чеканя шаг. Голова гордо поднята, плечи расправлены. Вид его, очень уставший и голодный, но грозный и, как всегда, думающий. Шел, Вершинин, размышляя, и уже очень быстро они оказались во внутреннем дворе тюрьмы, где его поджидал военный внедорожник с брезентовой крышей. Очень похожий на его когда-то служебный. Не задерживая никого, Алексей взглянул на офицера, который только кивнул ему на автомобиль и Вершинин с удивлением понял – это для него.

На западной половине неба еще висела ночь, а на востоке появилась синева от зари, и по времени было достаточно свежо. Милицейская шинель без погон согревала. Вершинин никак не мог взять в толк, куда его везут, для чего. Этап? Ну как-то богато для лейтенанта? Расстрел? А что, там нельзя было? Как там Шольц? Почему снилась девочка Лида? - все это его гложет, но постепенно, не превращаясь в круговорот мыслей и страданий. А сейчас просто, без лишних разговоров, вопросов, доводов. И вот скрип тормозов рядом со зданием очень грозного вида, без намека на светлую жизнь, а на входе два часовых.

-«Опять мытарства» - подумал Алексей.

Без проверок, досмотров и прочего Вершинина сопровождают до нужного кабинета с массивными дверями и грозным, но мягким освещением. Младший лейтенант постучал и вошел:

- Товарищ полковник, разрешите? Арестованный Вершинин по вашему приказу доставлен.

- Пусть войдет! – послышался голос.

- « Пусть войдет?? Опять снится, что ли??» - подумал лейтенант.

- Есть! – послышался голос конвоира, и, повернувшись к нему, распахнув дверь, он немного вяло и неприветливо все же пригласил рукой со словами:

- Входите!

Вершинин переступил порог кабинета, после этого дверь закрылась. Строгий кабинет с паркетом, в полумраке. На стене портреты Ленина, Сталина, Дзержинского и Бери. Свет приглушен, а настольная лампа светит под углом, не давая с порога разглядеть хозяина этого особого помещения, сидящего за большим Т-образным столом.

- Присаживайтесь, Алексей Митрофанович. Как добрались? – произнес тяжелый ног выразительный голос, человека в военном мундире, точнее в мундире госбезопасности.

- На попутке, – ответив на вопрос о приезде, Алексей присел.

Пользуясь паузой молчания, Алексей рассмотрел видимые черты фигуры, телосложения, припоминая голос.

- Закурите? – предложил офицер, рукой указав на папиросы, спички и пепельницу.

- Весьма благодарен. Это кстати! - Вершинин закурил, выпуская струи дыма, он посмотрел на потолок с оригинальной лепниной и перевел взгляд на собеседника. – А сегодня вы кто? Профессор психологии, криминалист, доктор наук или просто чекист?

- Неужели узнали, Алексей Митрофанович?

- Опыт никуда не денется.

- Натощак не боитесь курить?

- Совершенно нет. Это давняя привычка.

- Да-да, я, разумеется, помню, мы же беседовали с вами. До сих пор у меня многое о вас и вашем деле не укладывается в голове, но все же.

- Долго это будет продолжаться?

- Ой, Алексей Митрофанович, не начинайте. Вы не тот элемент, которого можно просто так шлепнуть. Вас могли еще в ноябре осчастливить, но появился я. И вот я буду вас, видимо, мучать долго и беспрестанно. Напомните обстоятельства знакомства с Вернером Шольцем?

- Получив в сорок пятом году направление на службу в Новотроицк, я заступил на должность заместителя начальника милиции, а в сорок шестом меня беспокоили осколки, полученные в Прибалтике.

- А при каких обстоятельствах?

- Я не путаюсь в показаниях, гражданин профессор. Вам все уже известно.

- Еще раз...

- В сорок четвертом году меня завербовали в СмерШ. Мы охотились на диверсантов и агентов Абвера в северной Белоруссии и Прибалтики. На одной из оперативных задач я получил осколочное ранение в результате подрыва фугаса. Осколки в спине, точнее в ребрах. После госпиталя – направление в Новотроицк. Милиция. В сорок шестом, без возможности уехать, я, по рекомендации коллег, обратился в двести тридцать пятый лагерь, где находился Вернер Шольц. Он уже был известен своими подвигами в медицине. Там он меня прооперировал – извлек отторгнутые осколки.

- Ближайших госпиталей не было?

- В Чкалове, но там было бы не до меня. Представляете число раненых с фронтов?

- Осколки больше не беспокоят?

- Больше не беспокоят.

- Действительно талант, слушайте. Вам просто повезло. Продолжайте.

- Меня не устроил результат вскрытия патологоанатома в городе Орск.

Вершинин посмотрел на собеседника, ожидая очередного вопроса, но офицер просто молча слушал, закуривая папиросу. Вершинин спокойно, выдержав интонацию, продолжил:

- Тем более на одном из мест преступления он присутствовал с конвоирами. Его задача была осмотреть девочку, Шапошникову Антонину. Там я с ним проконсультировался. После я обратился к подполковнику Бессонову, с просьбой прикомандировать его к милиции как медэксперта. В последствии...

- А вот этот крест действительно помог? – перебил его офицер.

- Вы уже спрашивали? Я отвечал.

- Еще раз...Этот крест...?

- Помог, - опередил с ответом Вершинин.

- Расслабьтесь, Алексей Митрофанович. На месте взрыва, что вы устроили, саперы обнаружили стальной предмет – предмет оказался крестом, католической формы. Мы знаем, что вы обращались к некоему инженеру Клаусу Кноббе, военнопленному артиллеристу.

Вершинин задумчиво нахмурил брови, делая затяжки дыма все тяжелее и тяжелее.

- Я не сомневаюсь, вы хороший офицер, – сказал хозяин кабинета, - более того так самоотверженно остановить то, что само по себе не имеет жизни, но несет смерть... М-да.

Офицер поднялся из-за стола, заложив руки за спину, он отошел за свое кресло, встал у подоконника, рассматривая улицу.

- Подобные вещи случались. Я про необъяснимость. Случались. В других контекстах, местах и мотивах, но они имели место быть. Я был еще начинающим работником ВЧК, затем НКВД. Было давно.

- Когда мне, наконец, предъявят обвинения?

- Никогда. Обвинений никаких не будет. Это мое решение, ходатайство и ответственность.

- Вот как... – задумчиво произнес Вершинин.

- Именно, товарищ Вершинин. В мое управление со всей страны приходит подобного рода информация. Где-то гибнут гражданские, и местные службы шьют «глухаря», кого-то ловят и даже расстреливают, где-то даже гибнут талантливые оперативники, верные своему делу вроде вас. Но вот сами вы! И ваш этот Шольц. Это же надо было так.

- Разрешите еще папиросу, товарищ полковник? – спросил Вершинин.

- Разумеется! Зачем спрашивать? Вся пачка вам! – сменив интонацию, ответил офицер.
– Вы и погоны разглядели?

Вершинин глубоко в душе был счастлив – можно вдоволь накуриться, не обращая внимания на фразу про погоны.

- Так вот, о чем я! – продолжал начальник этого управления. - Еще в марте, нам начала поступать информация, о том, что в городе Свердловске происходят странные и страшные события. Гибнут девушки, молодые. Необъяснимые обстоятельства, показания свидетелей, и вот вчера произошла очередная трагедия.

- А что местные органы?

- Местные органы, как оказалось, с февраля месяца проводят аресты, задержания. Четверых подозреваемых расстреляли, а дела возобновляются. Командующий военным округом назначен Маршал Жуков. Вы представляете, как там пытаются выслуживаться, и чем может все обернуться?

- Вы считаете это как то связано с тем, что произошло у нас, в Новотроицке?

- Подозреваю, но впрочем, вы ознакомитесь с делами и найдете там, за что зацепиться своим острым, хищным взглядом.

- Не сказать, что я мастер в таких делах... - попытался объяснить Вершинин.

- Но вы выжили и положили конец трагедиям. К тому же выбор у вас не слишком велик.

- Что же, - пожал плечами лейтенант, - Отказаться, это значит гнить на тюрьме, в лучшем случае.

- Нет, это была не сделка, это была вводная, инструктаж и беседа. Хотел лично убедиться, что вы в порядке. Сейчас вас отвезут на оперативную квартиру, приведете себя в должный образ, переоденетесь, ознакомитесь с материалами дел, их вам подготовили и ночью вы отправитесь в Свердловск.

- Разрешите вопрос, товарищ полковник.

- Слушаю вас.

- После находки саперов, в Новотроицке ничего не происходило?

- На удивление, нет. Там все спокойно, сообщений никаких, жизнь идет своим чередом, – ответил полковник и уселся в свое кресло, собрав пальцы в замок.

- По всей видимости, мой крест делает дело, - прошептал Вершинин.

- Ваш крест?? – удивился полковник.

- Да. Мой нательный. Кноббе мне и такой сделал. А с Шольцем мы их освятили.- Там в колодце я видел то, что убило всех, не оставляя следов.

- Как вы выжили?

- Я воткнул крест ему в глаз, а Шольц его зажег святой водой. Точнее, благословенной.

- Алексей Митрофанович, а вы только что сказали, что вы не профессионал. Ха! Изящно! Ну, вот и порешали! Что бы вы знали, мое настоящее звание полковник, фамилия моя Завьялов. Пока это все, что вам нужно знать.

- Разрешите еще вопрос, товарищ полковник??

- Ну не зазнавайтесь, от своего героизма, лейтенант. Что у вас?

- Меня очень беспокоит судьба Лиды Пантелеевой. Она была спасена нами. Двое маленьких детей тоже, но мне известно, что их мама осталась жива, а вот Лида... Она была одержима. Это очень опасно, и, к тому же, она часто является мне во снах. Это вызывает у меня тревогу и опасения, чего никогда не происходило.

- Она в психоневрологическом отделении особого режима – потеря памяти, восприимчивости, иногда странное поведение. Она на особом, моем контроле.

- Это все хорошо, я рад. Но я бы хотел увидеться. Меня гложет чувство ответственности, что ли. И беспокойства, разумеется.

- Отправляйтесь на квартиру. Уже время, - полковник взглянул на часы, - Приведите себя в порядок, ознакомьтесь с делами, сосредоточьтесь на работе. Можете идти.

- Спасибо, - спокойно ответил Вершинин, - Я понимаю.

- Идите.

Алексея в коридоре встретил тот же младший лейтенант, что сопровождал его сюда. На этот раз в его руках был кожаный саквояж, с навесным замком под ключ. Офицер передал его Вершинину с ключом и пригласил жестом в путь по коридору. Всю дорогу они ехали молча, Алексей вновь погрузился в мысли. На улице светало.

Автомобиль подъехал к двухэтажному, многоквартирному дому, довоенной постройки. Поднявшись на второй этаж, сопровождающий отворил замок, они вошли.

- Проходите, товарищ Вершинин, располагайтесь, – пригласил младший лейтенант, - саквояж вскроете после моего отъезда. Приказ. В шкафу подберете себе одежду, кухня, ванная, все в вашем распоряжении. Квартира оперативная. Я вас закрою, я за вами и приеду. Бежать, смысла нет.

С этими словами он покинул квартиру. Замок защелкнулся. Вершинин посмотрел на дверь, окинул взглядом коридор и квартиру.

- Да я и не собирался, - пробубнил Алексей сам себе.

Пройдя в квартиру, он поставил на стол саквояж, снял шинель, еще раз осмотрелся. Положив руки на пояс, он взглядом нашел пепельницу и от радости без эмоций произнес

- Не пропадать же добру. Покурить очень нужно.

С папирсой в зубах он отправился к шкафу. Открыв дверцы, он с удивлением осмотрел наличие черных, не привлекающих внимания костюмов, белых рубашек и даже головных уборов с галстуками. Во втором шкафу были пальто и плащи.

- Нет, ну а что, - усмехнулся Вершинин.

Горячий душ, опасная бритва, одеколон, расческа. В гардеробе он подобрал себе туфли по размеру, костюм, рубашка, галстук, даже плащ подошел. А когда он перед зеркалом примерил черную шляпу – впрочем, и в тюрьме он выглядел как офицер, а тут тем более.

Плащ и головной убор перебрались на прихожую, пиджак и галстук пока на стул. Закатав рукава на рубашке, он принялся за саквояж. По привычке несколько секунд осмотра, только потом открывать. Первым ему встретилась приличного размера папка с надписью «особой важности».

- Так-с, это сюда, - говорил сам с собой Вершинин, откладывая в сторону документы, - прочтем.

А следом ему попался блок сигарет «Друг»

- О! Ну это меняет погоду в лучшую сторону, – улыбнулся лейтенант. А затем улыбка стерлась, когда на очереди оказались карманного размера книги, с изображением креста. Одну из них он узнал. Это оказался молитвенник, который он подобрал еще в доме Шапошниковых. Он был чуть потрепан, пошарпан, но его записи были отчетливы. Вершинина посетила грусть, плавно перетекающая в скорбь. На других книгах была надпись «новый завет», «старый завет», «молитвослов».

-«неужели все еще хуже?» - подумал Алексей.

Четыре стеклянных бутылочки, цилиндрической формы, грамм примерно по двести. На них маленькие крышки с резьбой, а на боках белые наклейки, похожие на пластырь, с изображением креста. Три бутылочки-колбы, были шарообразные, на них помимо креста были неаккуратные надписи; “ Vatican”, “Jordan”, “Jerusalem”¹. На дне саквояжа лежал, замотанный в хлопковую ткань, тот самый крест, что делал им фельдфебель Кноббе. Вот тут Вершинин стал хмурым и задумчивым, только подозревая, какие обороты приобретёт дело. Он с осторожностью развернул крест, осмотрев его. Холодный, увесистый. Тогда он оказался спасением, и сейчас кажется таковым, но вызывал чувства опасности и тревоги.

Сложив всё обратно, Вершинин оставил на столе досье. Разобравшись на кухне, он приготовил себе крепкого чаю, окружив себя пепельницей и сигаретами. Дым окутал помещение. Лейтенант изучал материалы из Свердловска.

-Хм, - возмущенно вздохнул Алексей, разговаривая сам с собой,- А снимки целые...

Закурив очередную сигарету, Вершинин изучал фотоматериалы, пересматривал и перечитывал отчеты, показания, результаты экспертиз. Все было как на ладони и банально, но местами вызывало вопросы и порождало сомнения. На глаза попался молитвослов, завет. Зажглась следующая сигарета. Так ему было проще и интересно думать. Можно в мыслях спорить с самими собой.

В коридоре неслышно открылась входная дверь, и вошел тот же младший лейтенант, неслышно пройдя в комнату.

- Алексей Митрофанович, - обратился офицер, - Я вас зову, зову!

- Я не слышал, как вы вошли, - удивился Вершинин его приходу.

- Ну конечно, столько курить. Да в таком наряде вас не узнать. Собирайтесь, у меня приказ доставить вас на адрес, по оперативной работе.

Без лишних вопросов и рассуждений, Вершинин собрался, прихватив с собой спички и пачку сигарет. Автомобиль, дорога, весенний город, пасмурная погода. Наконец автомобиль припарковался возле учреждения, обнесенного забором и корявыми карагачами по газонам. Здание не новое, оконные рамы с пошарпанной краской.

- Пойдемте, товарищ Вершинин,- пригласил офицер.

Проходя через ворота, лейтенант обратил внимание на табличку и, вспомнив о разговоре с полковником, понял, для чего они здесь. На входе сопровождающий предъявил удостоверение, отчего без лишних вопросов, им удалось войти. Минувя коридоры и этажи, они оказались у кабинета главврача. Младший лейтенант вошел и буквально несколько секунд выше, пригласив Вершинина в кабинет.

- А, добрый день. Меня предупреждали. Одну секунду и я вас оставлю, - очень быстро и корректно сообщил главврач. Едва Вершинин успел произнести: «Здравствуйте»

Доктор вышел. Присев напротив девочки, через стол, Алексей, устало растерев лоб ладонью, тяжело вздохнув, спросил:

-Лида, ты меня не помнишь видимо?

-Нет, простите. А кто вы?

-Мне с моим коллегой довелось бороться за вашу жизнь, в прошлом году.

¹ Ватикан , Иордан, Иерусалим

- Да, я слушала об этом часто. Но, простите, мне нечего вам рассказать.

- Ничего не нужно рассказывать. Я помню все. Знаю многое. Меня беспокоит ваше здоровье и состояние.

- Состояние? Странное. Я не понимаю, как это объяснить. Все как в тумане, никакой ясности. Вначале, когда я пришла в сознание, было страшно, даже тело болело.

- Трудно представить.

- Как и за что я здесь, тоже не понимаю, только со слов врачей.

Взгляд Лиды был подавлен, голос и того хуже. Такое трудно симулировать. Вершинин понял, что врачи лечат «как надо», чтобы и вспомнила и забыла.

- Как же тут мрачно, - недовольно произнес он, поднявшись со стула. Подойдя к шторам, он распахнул их, чтобы хоть как то добавить света в комнату.

- Так-то лучше, и солнышко стало пробиваться на небе, - заглядывая на улицу, произнес Алексей, а когда обернулся, девочка ахнула, проронив слезы.

- Что с тобой, Лида?

- Я вас видела! Я, мне кажется, вас видела! Вы стоите от света как тогда. Тогда вы пришли, во тьме, но вы сияли... Ваше лицо, оно мне знакомо.

- Чтобы у вас было меньше проблем, про это не говорите. Это тоже не плохие воспоминания.

- Спасите меня...

- Что!?

- Прошу, спасите меня. Если это были вы, спасите меня снова, спасите отсюда. Здесь страшно.

- Я должен ехать. Кажется, кто-то попал в беду как вы, во тьму попал, - лейтенант тяжело вздохнул, - и я попал.

- Не бросайте меня, пожалуйста.

- Лида, я навещу тебя позже. Обещаю.

- Простите, - расплакалась Лида, - просто сил нет.

- Я постараюсь вернуться. Точнее, я постараюсь остаться в живых и найду способ вас навестить.

- Хорошо, спасибо вам.

По дороге на оперативную квартиру Вершинин долго не курил, от чего сопровождающий офицер был удивлен и насторожен. А Алексей думал, как помочь девочке и в силах ли он? Должен ли он? Что-то его терзало, он ощущал это как личную ответственность. С конвойным он вошел в квартиру.

- Я за вами заеду, товарищ Вершинин. Товарищ полковник просил напомнить, что бы вы ознакомились со всей канцелярией, что в саквояже.

- А что просить-то? Приказы выполняются! – ответил Вершинин, снимая плащ и не оборачиваясь, прошел в комнату.

Младший лейтенант молча вышел, закрыв дверь. Алексей включил свет и принялся перечитывать досье, чтобы убедиться в правильности своих вопросов и цепи событий. Дойдя до фотоматериалов, Вершинин обнаружил, что они истлели, как тогда. Лица погибших не видны. Когда зазвонил телефон, он почувствовал холод в пятках: - «неужели оно?»

- Вершинин у аппарата!

- Вы удовлетворены? – послышался голос полковника Завьялова.

- Благодарю, товарищ полковник. Легче, честно говоря, не стало, но все же.

- Вы изучили материалы?

- Это оно! – твердо и уверенно ответил Вершинин.

- Вы уверены?!

- Если никого кроме меня в квартире сегодня не было, то я абсолютно в этом уверен.

- Что означает сие замечание, Алексей Митрофанович?

- Это не замечание. Фотоматериалы испорчены как в прошлый раз. Именно образы жертв. Такое наблюдалось в Новотроицке.

- Вы серьезно?! – удивился полковник. Затем короткая пауза, и его интонация резко поменялась, - Мать твою!! Как?! Как это возможно?!

- Убедились, товарищ полковник?

- Черт возьми! Как??

- Ой-ой-ой! Не бросайтесь такими терминами, а то ведь он может взять!

- Вы серьезно?!

- Ну вы же охотились? Вот вам на ловца и зверь! Вы же видите?

- Добро! Ночью отправляемся. Изучайте, читайте!

Алексей положил трубку, вслед за Завьяловым, молча. Медленно, как в засаде, он огляделся. В квартире стояла тишина, всё это словно было, всё это он чувствовал. И не полгода назад, а здесь же. Крепкой ладонью он взял крест и осенил досье, а для своего успокоения и все вокруг.

- Отче наш... – зашептал он то, что повторял перед сном в тюрьме, каждый вечер, - Сущий на небесах. Да светится имя твоё, да придет царствие твое...

За окном, по отливу, пробили капли дождя, беспокоя молодые яблони под окном в газоне. В квартире все еще было тихо и спокойно. Лейтенант дочитал «отче наш», и вроде как самому стало спокойнее. Но вот теперь его терзал голод.

Бывший разведчик нашел запасы картофеля где-то в кухне, а среди всех запасов, он отобрал сорт получше. Нажарив приличную порцию, добавив соль и перец, все это он присыпал мелко нарубленным луком. Вместо хлеба в запасах оказались сухари – это его порадовало еще больше. Жареная картошка оказалась в три раза лучше, чем ничего. Вдоволь наевшись, и приведя все в порядок за собой, настало время горячего чая с сигаретами. Дым стал вкуснее, жизнь стала чуть слаще, душа причастилась.

Рассчитав время, Вершинин принялся за библию. Усевшись поудобнее, разумеется, окутывая все дымом, он погрузился в изучение и ознакомление с материалами, время от времени удивленно приподнимая брови, или просто морщась.

За окном дождь разошелся не на шутку. Уже стемнело. Раздался телефонный звонок.

- Вершинин у аппарата, – подняв трубку, произнес Алексей.

В трубке слышался легкий шум, помехи, треск, и сквозь все это слышался шепот. Лейтенант вслушивался, полагая, что проблемы на линии.

- Говорите! Товарищ полковник, это вы!? – чуть повысив голос, сказал Алексей.

- Нееет, - раздался протяжный холодный голос. Он был отовсюду, перекрывая помехи.

- Кто говорит?! – грубо спросил Вершинин. В ответ этот некто стал громко и тяжело дышать, казалось, пытаясь усмехнуться. Хрипота, доносящаяся из телефона, стала настолько противной и омерзительной, что лейтенант отодвинул трубку в сторону, а затем прервал звонок.

- Тварь... - ругнулся Алексей. Осмотревшись по сторонам, он вдруг вспомнил, как нечисть путала их, как им уже слышались необъяснимые звуки однажды. Вновь раздался телефонный звонок. Звук уже раздражал, а телефон надрывался от ярости. Подняв трубку, он выждал паузу, вслушиваясь.

- Товарищ Вершинин!? Алло! Ну что вы молчите!?

- Это кто!? – грубо крикнул Алексей, прекрасно зная и понимая, что с нечестью лучше не вступать в диалог на ее инициативе.

- Алексей Митрофанович, ну это как-то нахально разговаривать в такой манере со старшим по званию! – не ожидая такого хамства от Вершинина, удивился Завьялов.

- Это действительно вы? – немного замялся Алексей, - Извините. Я думал это... Неважно.

- Как это, не важно, Алексей Митрофанович?! Вы о чем?
- Это оно. И оно, я думаю, нас очень ждет или как минимум знает о нас?
- Вы с ним говорили!? – удивился полковник.
- С ним не нужно говорить, тем более просто так. Оно дало о себе знать.
- Лишних вопросов задавать не буду. Скоро отправляемся.

Полковник положил трубку, не попрощавшись. Послышались гудки. Освещение в доме дрогнуло. Зазвонил телефон. Алексей встал, взял в руки крест, так было спокойнее. По времени ожидания, можно было сбросить, но телефон надрывался на всю квартиру.

Внезапно стало тихо. Свет в квартире освещал ровно, без перебоев. Вершинин подготовил и собрал вещи. На часах была полночь, когда отщелкнул замок входной двери. Вершинин присматриваясь, осторожно вышел в коридор. Перед ним стоял Завьялов, а с ним такой же не молодой джентльмен, одетый примерно как Алексей, только плащ его и шляпа были серого цвета.

- У вас все в порядке? – спросил полковник.
- В порядке, - спокойно ответил лейтенант.
- Тогда знакомьтесь, подполковник Горин Федор Романович, старший следователь нашего управления, опытный сыщик. Он руководит вашей группой. Такого опыта, как у вас, у товарища Горина конечно нет, но я уверен, он справится.
- Добрый вечер, - вежливо произнес подполковник, протягивая руку для рукопожатия.
- Здравия желаю, - ответил Вершинин, чуть шагнув на встречу, взаимно пожав руку.
- У меня к вам вопрос, пока не забыл, - воскликнул Завьялов, - Что это и как происходит с фотографиями?

- Когда такое встречалось в Новотроицке, я уже знал, что человек мертв, это было на месте преступлений. Потом мы сопоставили, чье это баловство.

- Допустим. Вы ознакомились с делом? – спросил Горин, - Что скажете?
- Рапорты и отчеты неполноценные, как мне показалось. Раз мы едем туда, то я бы поговорил с тем, кто заинтересован. Или хотя бы с таким не довольным, как я.
- А чем вы недовольны?- спросил Горин.
- Не стыкуются отчеты постового Храмышкина и рапорт следователя. Отчет патологоанатома тем более. Напрашивается вопрос – вы сами верите в то, что пишете, или вам приказали?
- А вы как поступили тогда?
- Я не поверил отчетам... Но и не такого преступника ожидал встретить.
- Так может, и тут попробуем встретить кого-нибудь.
- Давайте попробуем,- отвечая, Вершинин согласно кивнул.

Одевшись и забрав саквояж, Вершинин проследовал за офицерами. Все трое уселись в машину, что ждала их у подъезда, освещая фарами улицу.

- Алексей Митрофанович, а какие еще бывают фокусы кроме фотографий?
- Фокусы... - усмехнулся Вершинин.- Скорее испытания на прочность. Когда эта тварь изменяет все вокруг, и вам кажется, что вы в другом месте, в другое время, с другими людьми и предметами. Это было в нашем случае.

- А звонки по телефону?
 - А у нас там их немного.
- Завьялов рассмеялся, заглядывая назад через плечо:
- Вы слышали Горин?! Ха, нет телефонов – нет посягательств на жизнь, со стороны нечистой силы.

- Вы точно охотились в молодости за ней, товарищ полковник? – серьезным тоном спросил Вершинин, разозлившись этой насмешке.

-Не сердитесь, Алексей Митрофанович, просто вы так быстро ответили. Я подумал у вас чувство юмора очень циничное.

- Благодарю за доверие.

- Как его распознать? – вмешался Горин.

- Что сделать? – переспросил Вершинин.

- Ну, этого, вашего, злого духа или кто он, как распознать?

- Нашего или вашего?! – удивился Вершинин, - Никак. Мы ввязались в бой, а потом распознали.

Горин высокомерно посмотрел на Вершинина, но Алексей это естественно заметил.

- Да, товарищ подполковник, - пронизывая Горина своим хищным взглядом, ответил Алексей, - Да, именно так, ввязались в бой. Как распознать того, кто переселяется из тела в тело, убивая всех не оставляя следов, а потом называет себя царем и говорит на разных языках. Много ли таких бандитов встречали? Я одного. Так вот никак не распознать.

- Ну ладно вам! - вмешался Завьялов, - Федор Романович, занимайтесь делом. Делом!

Уже скоро автомобиль остановился у вокзала. Завьялов повернулся назад и посмотрел на Вершинина.

- Погода не радует, по этому, лучше поездом. Сдружитесь, сработаетесь. Надеюсь, вы это сможете.

- Лучше бы это все было не по-настоящему, - открыв дверь, на выходе ответил Вершинин.

- Вот не нравится мне он, - прошептал Горин Завьялову.

- Проверим. Расследуй, он если что поможет. Держи его на дистанции. Если повезет, так хоть посмотрим, как с этим бороться, а не повезет, так не повезет. Наша цель одна – безопасность! Вот так! Понял? – сердито отчитал Горина полковник, и сам вышел из машины, Горин вышел последний. Вершинин уже курил.

- Пройдемте, Алексей Митрофанович, на вокзал. Промокнем, вдруг, простудимся, а оно нам надо, – произнес полковник, оглядываясь по сторонам. Вершинин и Горин последовали за ним.

На вокзале они остановились возле буфета, выпить кофе.

- Вы не желаете, Алексей Митрофанович? – предложил Завьялов.

- Благодарю, товарищ полковник. Не люблю, – ответил Вершинин наслаждаясь чаем с лимоном.

- Говорят, кофе улучшает умственную способность. Не знали? А вот теперь знайте, - улыбнулся полковник.

- Доктор Шольц так говорил.

- Вы с ним пили кофе?

- А как же, пять раз на дню. Нет. Когда мы искали тот самый колодец, он сетовал на свою усталость и возраст, замечавшись о кофе.

- Ну, вот видите, раз не мне, так ему доверьтесь. Он человек высокого склада ума и оказался не завербованным диверсантом, а настоящим военным медиком. Более того, он вам помогал в расследовании, – сделав глоток ароматного напитка, Завьялов посмотрел мимо Алексея и неожиданно, спокойным тоном произнес: - Мм, а вот и он.

- Что? Кто, он? – переспросил Вершинин, вопросительно взглянув на полковника и обернулся.

Через весь вокзал, направляясь в их сторону, шли два оперативника в штатском, сопровождающие могучего крепкого мужчину, одетого примерно как Вершинин. Он был гладко выбрит, а его тяжелая походка заставляла обратить на него внимание. Алексей сразу узнал в нем своего друга Вернера Шольца. Он скрывал свою радость от встречи. Шольц делал тоже самое, тем более, что его каменное лицо легко скрывало эмоции. Крепко пожав друг другу руки Шольц произнес:

- Рад видеть вас, герр Вершинен.

Вершинин улыбнулся, не сводя глаз с боевого товарища.

- А я-то как! Ваш «русский» стал намного лучше или мне показалось?

Горин лукаво наблюдал за этими двумя и незаметно шепнул полковнику:

- Вы уверены?

- Абсолютно, - так же незаметно ответил Завьялов, а затем обратился ко всем, - Ну что же, посадку уже объявили. Вам пора. Вы уже знаете, что подполковник Горин едет с вами и руководит группой. Надеюсь, результат будет. Удачи.

Разместившись в купе, Вершинин обратился к Шольцу:

- Ну как вы?

- Благодарю, герр Вершинин,- почти без акцента ответил Шольц,- я еще могу путать окончаний и есть трудность произношений.

- Здоровье как ваше?

- О, я в порядке. Во первый раз я думать будет плохо, но после встречи с коспадин полковник, я предположить, что все не просто так.

- Пожалуй, это лучше, чем встать у стенки, - хмуро усмехнулся Вершинин. - Я рад встречи.

- Ну хватит. Я прямо растаю, - вмешался Горин. - Можно без сентиментальностей.

Вершинин приподнял бровь и, повернувшись лицом к Горину с призрением к нему, сказал:

- Этот человек спас мою жизнь и еще несколько. И в нашем деле жизнь и здоровье – бесценно. Ибо если я прав, вы не представляете, с чем нам придется столкнуться.

- Лейтенант, не забываетесь. Вы не в том положении.

- Ха, честно говоря, вы тоже, если завербовали в работу таких элементов как мы.

- Поговорите о делах, - поучительно произнес подполковник.

- О, непременно. Спустя полгода хотелось для начала узнать, как поживает человек, которому я обязан жизнью и спасением. А так как ехать нам целую ночь, то поговорить о делах, у нас целый вагон времени!

Горин утихомирил свой гнев и недовольство, а после, сняв пиджак, вышел из купе. Вершинин переглянулся с Шольцем.

- Вы ознакомились с делом?

- Ознакомился. Но вы знать, что мне нужно видеть своими глазами. И вам.

- Фотографии видели?

- Да, - кивнул Шольц, - тут сомнений не вызывать. Это оно. Друкой вопрос, какой важности этот незваний кость.

- Не понял?

- Вы читали что-нибудь?

- А, вы про иерархию? Тогда понял. Этот, как вы сказали, гость, звонил мне.

- Мы далеко от этоко места?

- Примерно две тысячи километров.

- А если этот и еще один?

- Думаете сообщник?

- О, там может бить цельный Лекион.

- Одного-то не хотелось, - недовольно ответил Вершинин. Шольц усмехнулся. И посмотрев на Алексея спросил:

- Как ваша вера?

- Непокколебима, - улыбаясь, кивнул Вершинин. Вошел Горин, держа в руках три граненых стакана наполненных чаем, в массивных железных подстаканниках.

- Ну что, вы уже обсуждаете дела? Еще не появились идеи?! – спросил он, расставляя посуду на стол.

- Да какие тут идеи, - ответил Алексей. - Нужно все по цепочке. Если у вашего управления появились подозрения, это одно. А вот фокус с фотографиями – это уже факт номер один. Второй факт – это найти какие-то следы на телах, как их нашел доктор Шольц.

-Хм, да, следы, - язвительно ухмыльнулся Горин, - И ведь есть объяснение. Да-да, я помню ваши рассказы. И сейчас то же самое, верно?

- Последнюю девочку убили сутки назад, а значит, мы можем до похорон осмотреть тело.

-И как вы собираетесь это делать?

-О, вы не переживать, вы меня главное сопроводите. – отхлебнув чай, сообщил Шольц.

- И крестом будете размахивать?

-Ну почему размахивать? Это называется осеять. Вы не знали, товарищ подполковник?

-Ах, да, о крестах. Завьялов велел вам передать.

Горин достал из кармана тряпичный сверток и передал Вершинину. Алексей аккуратно разматывал его, обнаружив стальной нателный крестик, в точности как у Шольца.

- Без лишних вопросов. Приказ есть приказ. Завьялов убежден и одержим этим делом, и единственный вариант был скопировать его крест, - Горин указал на Шольца.

- Весьма кстати. Благодарю. Еще секунду назад я думал, что вы противный скептик и загубите все, как когда-то чуть не загубил майор Язев.

-Да ладно тебе, Вершинин. Я вам, двоим, еще на берегу все объясню - я следователь и заместитель не потому, что тоже верю в эту чепуху, а потому что так нужно. Когда у всех контор заканчиваются доводы, проводят обыски и даже расстрелы, то иногда приезжаем мы, ведем сложное дело, а потом все заканчивается «о, тут нечисть», «ах, ты ж, блин, опять глухарь». А тут появляетесь вы - откуда? – да хрен его знает. Фокус с фотографиями? – да вы сам еще те шарлатаны.

- А что нам мешает тебя убить и сбежать?

- И куда? Куда, Вершинин? Этот уже старый, а ты останешься один всю жизнь, в бегах?

- Хорошо, будь, по-твоему. А полковник мне подыгрывает?

- Возможно. Он сам этим одержим. Он был молодой, я слышал эти истории много раз.

-Стой, Горин, тогда зачем мы едем?

-Расследовать! А вы, вы как козлы отпущения будите! Вот и все! Я вас на всякий случай предупредил. А теперь я спать, бежать вам не советую, будет потом хуже.

Горин снял верхнюю одежду и вскарабкался на верхнюю полку. Вершинин с Шольцем переглянулись, не понимая ровным счетом, что к чему.

- Теперь я не могу обеснить, что есть истина, что есть обман. Я не понимаю, – прошептал Шольц.

-К чему тогда маскарад? – сказал Вершинин, продолжая рассуждать, поглядывая на Шольца, - Кресты, вода, библия. А жертвы, а город, вся операция – это тоже цирк?

- Город и жертвы настоящие! – раздалось с верхней полки.

- Спасибо, – огрызнулся Вершинин.

- И мое недоверие к вам, тоже настоящее! – продолжил Горин.

Вершинин, глубоко вздохнув, посмотрел в окно. Потом посмотрел на Шольца, а тот, как хищник, поглядывал на верхнюю полку. Что-то злое промелькнуло в глазах Шольца.

- Я предлагаю и нам лечь спать, – проговорил Вершинин, снимая пиджак. – К общему знаменателю мы не придем, доктор.

Все улеглись. В купе стало тихо. Сверху послышался легкий храп. Вершинин пытался задремать, но одним глазом увидел, как сидящий напротив Шольц тихо молится и крестится, делая это не слышно. Стук колесных пар и шум дождя убаюкал вагон. Ночь стояла темная. А тепловоз, всей своей мощью и головным светом, пробивал себе путь на Урал.

Глава 6

Утром поезд прибыл в столицу опорного края державы – Город Свердловск. Урал для большинства не был местом романтики, но что-то сказочное тут было всегда. Одни только виды чего стоят. Край суровый и богатый.

Проводница открыла дверь вагона. Первым вышел Горин, за ним Вершинин, следом доктор Шольц. Легкий туман, вперемешку с ароматами креозота и солярки, подтолкнули Вершинина глубоко вздохнуть этот аромат.

- Вы чем наслаждаетесь? – спросил Горин. При этом доктор Шольц с удивлением смотрел, как Алексей наслаждался.

- Ароматом жизни. Это лучше чем в камере.

- Абсолютно согласен. Но отдать должное, ваш Новотроицк, это курорт, по сравнению этот климат, – подметил Шольц.

- Не могу не согласиться, – ответил Вершинин.

Горин удивленно посмотрел на двоих и продолжил движение. На встречу к ним широким шагом направлялся офицер в форме МГБ, на его погонах сияли майорские звезды.

- Подполковник Горин? – Обратился офицер.

- Именно. – Хмуро, строго и выдержано ответил подполковник.

- Майор Краснов, начальник... – Начал представляться офицер как Горин перебил его вопросом.

- Как обстановка? Что нового известно по делу?

- Вчера вечером задержали одного студента.

- По нашу душу? Ну, тогда давайте поговорим со студентом? – предложил Горин. – Да, кстати, знакомьтесь: это лейтенант Вершинин Алексей Митрофанович, а это мед эксперт, доктор Вернер Шольц.

- Немец что ли? – брезгливо бросил Краснов.

- А вам какая разница? – не сдержался Вершинин.

- Вы как с майором разговариваете, лейтенант?

- Действительно, какая вам разница? – суровым тоном, внезапно вступился Горин. Майор стиснул зубы и с недоверием осмотрел приезжих.

- Пройдемте, нас ждет машина, – ответил майор.

Даже в машине еще несколько минут хранилось молчание. Вершинин и Шольц молча смотрели на дорогу, понемногу разглядывая город, а Горин глаз не сводил с затылка майора, изредка посматривая на часы. Наконец, чуть попав под лучи апрельского солнца, Краснов, в доброжелательной манере, заговорил:

- А у нас тут уже с марта такая суматоха. Маршал Жуков назначен командующим округа – все, как сумасшедшие. Хех.

- Товарищ майор, – обратился Горин, – какие результаты беседы с родственниками погибшей девушки?

- Вообще это дело милиции. Аресты тоже проводили они. Обстоятельства дела – особая жестокость – вот так и попало в наше поле зрения, и вдруг как снег на голову – приказ свыше, а теперь вот вы.

- А вы что, контора наблюдателей? Взялись – делайте, расследуйте. Сейчас едем разговаривать с задержанным?

- Так точно, товарищ подполковник, – соблюдая субординацию, виноватым тоном, ответил майор. На этом знакомство приостановилось. Серые облака прикрыли солнце, и все вокруг стало серым. Автомобиль остановился возле отделения милиции. Горин вежливо, но хмуро

предложил Краснову идти первым, указывая путь. Вершинин обошелся без курения, он что-то шепнул Шольцу, на что тот одобрительно качнул головой. На входе их встретил чуть растерянный старшина, крепкого телосложения. От неожиданности он был больше удивлен, чем напуган – целый майор госбезопасности и еще трое в черных костюмах, и все это в их отделении милиции.

- Товарищ майор!? – удивленно вопросительно обратился старшина.

- Старшина! – едва начал распорядительным тоном Краснов, но Горин, сделав шаг на встречу к дежурному, перебил майора, аккуратно предъявляя удостоверение:

- Пригласите начальство, будьте любезны. Мы по делу об убийстве студентки.

- Вам нужен начальник уголовного...

- Я здесь, - раздался голос с другой стороны фойе. Пришедшие обернулись. К ним на встречу шел, поднимая ладонь под козырек, представившись капитаном Киселевым. Уже вместе с ним они поднялись в кабинет

- А где задержанный? Может сразу к нему? – предложил Горин.

- Я распорядился, сейчас доставят. Может чай, кофе.

- Невозможно, товарищ капитан. Мы здесь по делу, и нужно все успеть.

- Как скажете. – Киселев развел руками, делая вид, что сожалеет, отчасти радуясь, что «гэбэшники» торопятся и уедут поскорее. А заберут задержанного - ну что поделать. Чуть приоткрыв форточку, капитан присел на подоконник, поставив пепельницу, взглядом приглашая покурить. Тут уже Вершинин был готов. Он хмуро и внимательно осмотрел кабинет, неторопливо подойдя к капитану. Шольц остался задумчиво за столом с Гориным и Красновым. Наступила неловкая тишина. Скрипнула дверь в кабинет и молодой сержант-конвоир нарушил молчание:

- Дмитрий Юрьевич, можно вас на минутку.

Киселев, оттолкнувшись от подоконника, пошел на выход, вопрошающе смотря на подчиненного, разглядев в его глазах какую-то сумятицу.

- Скорее, товарищ капитан, - не унимался конвоир, шепча в открытую дверь.

Вершинин, заподозрив что-то неладное, покосился на Горина, а тот уже посмотрел косым взглядом на Вершинина. Краснов суетливо поднялся с места и заходил по коридору. Шольц вообще лишних движений не сделал. А за дверью, в коридоре, уже закричал, ругаясь матерными словами, Киселев:

- Да как же так, мать вашу!? Вы там совсем уже!!

Пока он разрывал горло на подчинённых, требуя вызвать скорую помощь, за его спиной, выйдя из кабинета, показались Горин и Вершинин. Выслушав всю отборную брань, подполковник со всем цинизмом обратился к капитану:

- Может что-то случилось, Дмитрий Юрьевич? Может, помощь, какая нужна?

Киселев растерянно повернулся к Горину, беспомощно выискивая что-то взглядом. Протирая лицо двумя руками, он тяжело вздохнул:

- Некого вам допрашивать?

- То есть, как это, нет?

- Вот так.

- Это не ответ, капитан, - сказал Краснов.

Вершинин догадался, в чем дело:

- Покажите его.

- Кого его, Алексей Митрофанович? Вам же сказал, товарищ капитан - никого нет. – Цинично произнес Горин, не сводя глаз с капитана.

- Он погиб,- досадно ответил Киселев,- не усмотрели!

- Вы блинов объелись, капитан! – Возмутился Краснов,- что значит «не усмотрели»?

- Он всю голову разбил о стены и об батарею. Там все в крови. – Пояснил конвойный.

-Отведите нас к нему,- настойчиво потребовал Вершинин.

- О-ть, мерзавец, а! – Развел руками Краснов. - Совесть загрызла, сукина сына!

- Не знаю, что его загрызло, - сокрушенно ответил Киселев, протирая ладонью покрасневши от давления лоб.

- Не нервничайте, капитань, у вас уже давлений. Проводить нас к нему, - вмешался Шольц, - очень вас просить.

На месте, где случилась трагедия, уже работал военврач уголовного розыска. На полу лежало тело молодого человека, не старше двадцати лет, вокруг было много крови; на стенах, на полу, на двери, не говоря про одежду.

- Что у вас? – спросил Киселев.

- Открытая, черепно-мозговая. Шок, а затем обильная потеря крови. Судя по всему, он долго себя так добивал.

- Терпеливый, мерзавец. – Не унимался Краснов.

- Майор, - обратился к нему Горин,- ты или майор, по особо важным делам, или просто в постовые иди. Мне здесь не нужны красноречивые эмоции тётки у подъезда, понял.

- Ну, что же, спасибо за информацию, - сказал Вершинин и, посмотрев на Горина, спросил, - теперь мы осмотрим?

- Работайте. Пошли, я с вами. – Сказал Горин, и встал в дверном проеме, пока Вершинин осматривал камеру, а Шольц осматривал погибшего. Алексей, рассмотрев места, где есть следы крови, и место где стояли нары, затем, начал перемещаться по камере, как бы повторяя перемещения погибшего. Шольц в это время осматривал лицо погибшего, руками приподнимая его веки, затем он осмотрел его зубы. Горин без эмоций, но наблюдал, не отрываясь, как Шольц осматривает тело. И когда Шольц добрался до рук молодого человека, даже Горин округлил глаза.

- Герр Вершайнен, - густым басом произнес Шольц,- посмотреть сюда.

Вершинин сделал шаг к нему, от удивления приподняв глаза:

- Но я не увидел разорванных стен...- удивился Алексей.

Пальцы молодого человека были выломаны назад и в сторону, его ногти были почерневшие, расслоившиеся и больше напоминали древесную кору. Голова была пробита в нескольких местах.

- Что скажете, доктор? ...Вершинин?

- Я не нахожу следов борьбы или пыток, - ответил Вершинин, - даже если они есть, все умело замаскировано. Остается одно – он сам.

-Шольц?

- Его палецев. Они, как это сказать, гнить. Я не видеть радужка глаз, он как ослепший. Кто-то не хочет, что бы мы его допрашивать.

-Думаете это то самое? А какое отношение он может иметь к делу?

- Любое. - Ответил Вершинин. - Это нужно поговорить с Киселевым сотоварищи.

- Я бы еще осмотреть его тело, - не отворачиваясь от погибшего, заявил Шольц.

- Прямо здесь? – спросил Горин.

- Да, не положено, товарищ подполковник, - удивленно возмутился Краснов.

-О, доктор Шольц умеет это делать, верно? – сказал Горин, не оборачиваясь, всем своим видом показывая, кто здесь главный. – Действуйте быстро, доктор.

Шольц аккуратно и бережно, своими массивными пальцами расстегнул пуговицы на рубашке убитого. Сразу его взору открылись четыре протяжные раны, на вид очень старые и почти гнилые, но еще открытые, без кровотечения.

- Это что еще такое? – Спросил Горин.

-Может при задержании? – предположил Краснов.

- Так его задержали на работе. Он не оказывал сопротивления, - в оправдание заявил Киселев.

- А что вам мешало бить его в машине? – Прицепился Краснов.

- Если больше ничего, доктор Шольц, то приглашаю всех в кабинет. Прямо сейчас. – Строго произнес подполковник Горин.

Все отправились в кабинет Киселева. Местный военврач накрыл тело погибшего и остался дожидаться санитаров. Молчаливый тип - все время, пока осматривали погибшего, он искоса поглядывал на Шольца, особенно когда услышал его акцент. Местные оперативники, напротив, с удивлением смотрели на его работу, им больше не по нраву пришелся Горин, а Вершинин – Вершинин для милиционеров был по духу свой.

В кабинете начальника уголовного розыска, присутствовал и начальник отделения милиции, и, разумеется, все кто был в деле. Шольц задумчиво всматривался, еще задумчивей вслушивался в беседы и то, как Горин допрашивал всех - он, все еще прикрываясь своим циничным скептицизмом, пожирал все, как хищник мелких рыб.

- Слушайте, товарищ Горин, ну не могли мои орлы такого сотворить, ну не могли! - Оправдывался начальник отделения.

- Верю! Вот сейчас верю, - упивался Горин, видя, как все загоняют себя в тупик.

- Этот ладно врагов народа не ищет, - шепнул Вершинин Шольцу.

- как ви называете - своеобразен?!

- Угу, - промывчал еле слышно Вершинин.

- У вас уже несколько убийств, с одним и тем же почерком – вырванный язык, молодые девушки, а вы не удосуживаетесь выставить, хотя одного, караульного.

- Не было нужды, товарищ Горин, я же вам объяснял. Он не оказывал сопротивления!

- А родные девушек? А друзья? Кто-то может захотеть мести.

Разнос был жестокий. Следом под каток попал и капитан Киселев и его оперативники, и дежурные и конвоиры. Горин умело, не провоцируя, выводил их на откровения, часто загоняя их в тупик, но все ответы были честные и правдоподобные.

Вершинин обратил внимание, что Шольц призадумался, словно что-то просчитывая.

- У вас какие то мысли?

- Всегда, герр Вершайнен. Я вот что думаю: у погибший нет языка, они от кого-то бежать. Но в этот случай, погиб этот молодой человек.

- Продолжайте. – Хладнокровно произнес Вершинин. Шольц задумчиво и устало приподнял брови, приподняв ладони от стола.

- Зачем? – рассуждал Шольц.

- Что зачем? Зачем продолжать?!

- Зачем убивать этот молодой человек?

А параллельно, Горин постепенно начинал давить на милиционеров:

- Вы били задержанного!? Для чего??

- Я повторяю – нет! – Отвечал Киселев.

Время от времени Краснов пытался что-то доказать супротив Горину, а временами заседал на милиционеров.

Вершинин не совсем понимал, о чем рассуждает Шольц, но был около того.

- А зачем вообще убивают? – Встречно спросил Вершинин.

- Вот. Это есть вопрос психологий, но наш случай не тот. Наш случай, наше дело – то, что не поддаваться канонам природа. Что если он заведомо решил это сделать?

Вершинин замолчал и призадумался, медленно переводя взгляд с Шольца на его руки, на стол и на всех окружающих в кабинете.

- Девушки молодые. – Сказал Вершинин, загибая пальцы на ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.